

Приключения

Гогенштауфена

Сказка в трех действиях

Действующие лица

Гогенштауфен —	экономист.
Упырева —	управделами.
Маруся Покровская —	счетовод.
Кофейкина —	уборщица.
Бойбабченко —	домашняя хозяйка.
Арбенин —	юрисконсульт.
Журочкин —	бухгалтер.
Брючкина —	зав. машинописным бюро.
Юрий Дамкин —	зав. снабжением.
Фавн —	статуя.
Заведующий.	

Сердитый молодой человек. Рабочий.

Пожарный. Милиционер.

Толпа. Горцы на конях.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Скверик около учреждения. Вечер. Старуха-уборщица, по фамилии **К О Ф Е Й К И Н А**, дремлет в скверике. К ней быстро подходит другая старуха — **Б О Й Б А Б Ч Е Н К О**.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Слушай, **К о ф е й к и н а**, я к тебе... Это дело надо прекратить!

К О Ф Е Й К И Н А. Какое дело?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Ты меня знаешь! Я — старуха отчаянная, я — старуха добрая. Когда мне кого-нибудь жалко, я могу человека убить. Я такое могу поднять, что по газетам шум пойдет. Недопустимое это дело! Ведь уже одиннадцатый час!

К О Ф Е Й К И Н А. Ты о чем говоришь?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Конечно, о Гогенштауфене. Лицо его беспардонное, простое, каждому понятное. Каждый видит, что можно его нагрузить до отказа. Взгляни сама, оглянись! Разве это не ужасная картина? Во всем учреждении погас свет, только одно окно горит, его окно, Гогенштауфена. Сидит, крутит арифмометр за ручку...

К О Ф Е Й К И Н А. И песни поет.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Что?

К О Ф Е Й К И Н А. И песни поет. Он всегда, когда в одиночестве работает, напевает на мотив Буденного все, что в голову придет... Веселый экономист...

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. И ты про это так спокойно говоришь? Оставили человека одного на все учреждение, работы на него навалили, сами гуляют, сами пируют — а он мучайся?

К О Ф Е Й К И Н А. Он не мучается.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Не морочь мне голову! Человек он молодой, нежный, погода хорошая, девушка у него, Маруся Покровская, такая, что даже я, старуха, и то в форточку люблюсь, когда она через садик домой идет, милая. А ты мне говоришь, что он не мучается! Врешь, мучается! Врешь, хочет уйти! Врешь, беспокоится за девушку. Где, мол, она в такую погоду? Не гуляет ли?

КОФЕЙКИНА. Постой, мать.

БОЙБАБЧЕНКО. Не буду стоять! Я все ваше учреждение лучше тебя знаю, хоть ты в нем уборщица, а я домохозяйка и не служащая. Ведь мои окна против ваших. У меня стекла чистые, у вас стекла чистые. Я по хозяйству бегаю, а с вас глаз не свожу. Я все вижу, всех понимаю. Кто что делает, мне все понятно. Я ведь за вашей работой еще и по всем газетам слежу. Сколько я с вашим планом намучилась. Ночи не сплю, бывало. Ах, думаю, доведут ли они план до каждого сотрудника! Мобилизуют ли общественность!

КОФЕЙКИНА. Погоди.

БОЙБАБЧЕНКО. Не могу. Человек мучается, товарищ Гогенштауфен, любимый мой сотрудник, а она сидит у двери, на звезды глядит. Ступай хоть чаю ему приготовь!

КОФЕЙКИНА. Послушай меня ...

БОЙБАБЧЕНКО. Не в силах я этим заниматься. Добрая я! Тут не слушать надо, а помочь.

КОФЕЙКИНА. Ладно, поможем.

БОЙБАБЧЕНКО. Ну, то-то. Керосинка то у вас есть?

КОФЕЙКИНА. Зачем?

БОЙБАБЧЕНКО. Чаю взгреть А нету, так я мигом домой...

КОФЕЙКИНА. Тут чай не нужен...

БОЙБАБЧЕНКО. То есть как? Человек там измучился!

КОФЕЙКИНА. Дай мне сказать в свою очередь. Гогенштауфен — человек редкий. Он работает, но не мучается.

БОЙБАБЧЕНКО. Откуда ты это знаешь?

КОФЕЙКИНА. Значит, знаю. Он работает любя. Ему интересно. Делает он такой проект, который все наше учреждение по-новому повернет и так оживит, что каждый охнет, удивится и скажет: как верно придумано, давно пора! Заведующий перед отпуском лично сказал коменданту: Гогенштауфен, говорит, талант, говорит. Ему от работы мученья нет. Другая беда ему грозит.

БОЙБАБЧЕНКО. Беда?

КОФЕЙКИНА. Она самая.

БОЙБАБЧЕНКО. Откуда?

КОФЕЙКИНА. Упыреву нашу знаешь?

БОЙБАБЧЕНКО. Управделами?

КОФЕЙКИНА. Да.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Как не знать! Хотя и не так давно она у вас, однако я заметила. Красивая она, но лицо у нее все же грубое, отрицательное. Идет мимо и так глядит, будто я не человек, а она высшее начальство.

К О Ф Е Й К И Н А. Эта самая. От нее я и жду всяких бед Гогенштауфену.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Склока?

К О Ф Е Й К И Н А. Вроде. Не знаю — сказать тебе, не знаю — нет.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Скажи!

К О Ф Е Й К И Н А. Не знаю, поймешь ты, а вдруг и не поймешь!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Пойму!

К О Ф Е Й К И Н А. Хватит ли у тебя сознания.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. У меня-то? Да что ты, матушка? Да мы, новые старухи, — самый, быть может, сознательный элемент!

К О Ф Е Й К И Н А. Ох, не знаю! Так ли?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Да что ты, родная, я тебе доказать могу. Почитай газеты, возьми цифры, если мне не веришь. Цифры не соврут. Что есть высшая несознательность? Хулиганство. А за хулиганство сколько старух судилось? Ни одной! За разгильдяйство сколько? Нуль. За бытовое разложение? Ни единой. Да что там, возьми такую мелочь, как прыганье с трамваев на ходу, — мы, старухи, даже этого себе не позволяем. Мы сознательные!

К О Ф Е Й К И Н А. Так то оно так...

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Не спорь! Я все обдумала. Я даже собираюсь в красном уголке прочесть: “Новый быт и новая старуха”. Вот. Я, милая, когда готовлю, мету, шью, у меня только руки заняты, а голова свободна. Я думаю, думаю, обобщаю в тишине, в пустой квартире. Мысли, понятия... Не спорь! Объясни, в чем дело с Упыревой! Я мигом разберусь! Предпримем шаги! Ну? Говори!

К О Ф Е Й К И Н А. Ох... смотри! Объяснить я объясню, дело простое, но только, чур, не отступать!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Я? Да я перед львом не отступлю, не то что перед управделами. Объясняй, в чем дело!

К О Ф Е Й К И Н А. Ну, слушай. Время сейчас опасное, летнее. Лучшие люди в отпуску. Заведующий в горах. Секретарь в командировке. Тишина в учреждении, а она в тишине и проявляется.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Упырева?

К О Ф Е Й К И Н А. Она. Она, брат, мертвый класс.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Какой?

К О Ф Е Й К И Н А. Мертвый. А Гогенштауфен живой. Понятно?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Конкретно говори.

К О Ф Е Й К И Н А. Мертвый она класс! Не страшен мертвый на столе, а страшен мертвый за столом. Понятно? Мертвый человек лежит, а мертвый класс сидит, злобствует. Она в кабинете — как мертвый за столом.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Убрать!

К О Ф Е Й К И Н А. Она у нас недавно — как уберешь?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Общественность, местком, стенгазета!

К О Ф Е Й К И Н А. Летом? А, кроме того, она исподтишка, из-под колоды человека сил всяких лишает. Она по бытовой линии человека губит. Теперь вникай! Теперь слушай, что она задумала! Она задумала Гогенштауфена с Марусей Покровской разлучить!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Да неужто!

К О Ф Е Й К И Н А. Факт. Гогенштауфен сейчас нежный, счастливый, его по этой линии убить — легче легкого. Расстроится, с проектом опоздает, и выйдет все, как ей надо! Повредит она человеку в любви, а пострадает учреждение! Ох, она ехидная, ох, она хитрая, ох, она злобная!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Идем!

К О Ф Е Й К И Н А. Куда?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Наверх.

К О Ф Е Й К И Н А. Зачем?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Глаза открывать.

К О Ф Е Й К И Н А. Какие глаза?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Гогенштауфену глаза. Пусть знает! Пусть приготовится!

К О Ф Е Й К И Н А. Да что он может! Заведующий в отъезде. Будь заведующий — тогда сразу все прояснилось бы. Он ведь вроде как бы гений. А Гогенштауфен — где ему!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Идем наверх — я проясню!

К О Ф Е Й К И Н А. Как именно?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Все ему выложу, бедному Гогенштауфену. Так и так, Упырева желает вас с девушкой разлучить, чтобы вы ослабели и худо работали. Она такая вредительница, что прямо жутко!

К О Ф Е Й К И Н А. А он тебе на это вежливо: ох, да ах, вот как, а про себя — какая сплетница-баба! Ненормальная!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. А я ему скажу: она классовый враг!

КОФЕЙКИНА. А он тебе деликатно: да ну! Да неужто! А сам про себя: какая пошлая старуха. Спецеедка.

БОЙБАБЧЕНКО. Давай анкету Упыревой достанем и докажем ему все, как на ладошке!

КОФЕЙКИНА. Эх, ты, неопытная. У настоящего классового врага анкета всегда аккуратная! Нет, ничего ты не можешь.

БОЙБАБЧЕНКО. Я не могу?

КОФЕЙКИНА. Ты.

БОЙБАБЧЕНКО. Я?

КОФЕЙКИНА. Ты.

БОЙБАБЧЕНКО. Не знаешь ты меня! Я всегда найду путь, как за правду постоять!

КОФЕЙКИНА. Всегда ли?

БОЙБАБЧЕНКО. Всегда. Если трудно — обходным путем пойду. Вот мои соседи, например, кошку обижали. Котят топили. Кошка орет, а они топят. Прямым путем, уговором их не взять. Хохочут звери над животным. Легко ли это выносить при моей доброте? Пошла я в жакт и заявила, что соседи мои в квартире белье стирают. Ахнули соседи, пострадали и смягчились. Боятся теперь против меня идти. Во мне, мать, энергия с возрастом растет. В двадцать лет я хороша была, а в шестьдесят — втрое. Не знаю, что дальше будет, а пока я молодец!

КОФЕЙКИНА. Это мне известно. Поэтому с тобой и договариваюсь. Поэтому посвящаю тебя во все дела. Она готова напасть, я готова отразить, и все прекрасно.

БОЙБАБЧЕНКО. Ничего прекрасного не вижу. Торчишь у дверей и все. В чем же твоя готовность? Чего ты ждешь?

КОФЕЙКИНА (*просто*). А жду я, матушка, пока пробьет полночь.

БОЙБАБЧЕНКО. Чего?

КОФЕЙКИНА. Двенадцать часов жду. Поняла?

БОЙБАБЧЕНКО. Зачем?

КОФЕЙКИНА. Ты энергична, но против моей энергии твоя энергия ничего не стоит. Слушай меня. Давай сюда ухо. (*Шепчет что-то на ухо Бойбабченко.*)

БОЙБАБЧЕНКО. Ах!

КОФЕЙКИНА. Не ахай! (*Шепчет.*)

БОЙБАБЧЕНКО. Ох!

КОФЕЙКИНА. Не охай. *(Шепчет.)*

БОЙБАБЧЕНКО. Ух!

КОФЕЙКИНА. Не ухай. *(Шепчет.)*

БОЙБАБЧЕНКО. Что ты мне сказки рассказываешь!

КОФЕЙКИНА. А что плохого в сказке?

БОЙБАБЧЕНКО. И все так, как ты говоришь?

КОФЕЙКИНА. Все.

БОЙБАБЧЕНКО. Но это форменная сказка.

КОФЕЙКИНА. Ну, и что же с того? Весело, отчетливо. Она подлюстью, а мы..

Вспыхивает на секунду яркий свет.

БОЙБАБЧЕНКО. Что это?

КОФЕЙКИНА. Не дрожи! Это трамвай по проволоке дугой ударил. Еще ведь нет двенадцати. Эх, мать! Оставь хозяйство! Идем за мной! Я простая, я легкая. В два дня ликвидируем врага, и каким путем — небывалым путем! Идешь?

БОЙБАБЧЕНКО. Подумаю.

КОФЕЙКИНА. Скорее! До двенадцати надо решить! Решай! А если решишь, —

Энергия плюс чудо, минус разум,
И мы с управделами сладим разом.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в учреждении. Ночь. ГОГЕНШТАУФЕН работает за столом.

ГОГЕНШТАУФЕН. Который час? Без четверти двенадцать... Так. Мне осталось всего на пятнадцать минут работы. Хорошо! Через полчаса дома буду — отлично! Где арифмометр? Вот он — замечательно! *(Поет на мотив Буденного, вставляя слова кое-как, растягивая слоги, делая неверные ударения.)* Мы — красная кавалерия, и про нас, четырежды пятна-а-а-адцать шесть! Дес! сять! Да два в уме, да два в уме, товарищ Гогенштауфен, былинники речистые ведут рассказ. *(Говорит.)* Так и запишем. Пиши, Пантелей

Гогенштауфен. (*Опрокидывает чернильницу.*) Замечательно! Это что же такое? Все залил! Все! До чего мне надоели эти мелкие несчастья — уму непостижимо. (*Поет.*) Вчера, садясь в трамвай, калошу потерял, потом старушке злобной вдруг на платье наступил, потом я подавился ко-ко-косточкой, а ночью, идиот, пролил чернильницу! Хотел пойти домой, поесть как следует и лечь, а вместо этого...

Звонок телефона.

Ага! Алло! Да, я! Конечно, как же я могу не узнать голоса квартирной хозяйки? Нет, не скоро, увы. Что? Пропал мой ужин? Куда? Почему? Да, я открыл окно уходя. А комнату запер. Кошка в окно влезла? Жрет мои котлеты? Крикните ей “брысь”. Что? Кричали? Не слышит? Глухая, ангорская? Интересно. Ну, черт с ней. Что? Кто приходил? Маруся Покровская? Что срочно передать? Громче говорите! А? Чего вы щелкаете? Кто? А? Группа “А”! Полное молчание. Аппарат испортился, будь ты трижды рыжий. Ну, и ладно. (*Поет.*) Приду домой, а лопать нету ничего, ангорская кошечка слопала все-е! Маруся приходила, не узнать до завтра почему, са-а-мая прекрасная де-вушка! (*Переставляет лампочку. Лампочка гаснет. Полная тьма. Гогенштауфен встает, ищет выключатель. Поет крайне уныло.*) Ах, будь ты трижды ры-ыжий, ах, будь ты трижды рыжий, ах, будь ты трижды ры-ы-ыжий, ах, будь ты. (*С грохотом натывается на что-то.*) Найди тут выключатель! Где я? Ничего не понимаю. Темнота и больше ничего. Фу-ты, даже как-то неприятно. Как будто я не у себя в учреждении, а...

На секунду вспыхивает яркий зеленый свет.

Здравствуйте — а это что такое? Что за свет? Честное слово — или это от усталости, но только я не узнаю комнаты. Куда бежать? (*Бежит, с грохотом натывается на что-то.*) А это что? Здесь ничего такого, большого, холодного, гладкого не стояло!

Снова на секунду вспыхивает свет.

Опять!

Музыка.

Кто это играет?

Часы бьют двенадцать.

Кто это звонит?

От стены отделяется белая фигура.

Кто там ходит?

Г о л о с . Я .

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н . Кто я?

Г о л о с . Это мы, мы!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н (*в ужасе*). Какие мымы?

Зажигается свет. У выключателя

К о ф е й к и н а и Б о й б а б ч е н к о .

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н (*падает в кресло, вытирает лоб платком*). Здравствуйте, товарищ Кофейкина.

К о ф е й к и н а . Здравствуйте.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н . Что тут за ерунда делалась? А? Скажите! Что за свет вспыхивал?

К о ф е й к и н а . А это, товарищ Гогенштауфен, трамвай по проволоке дугой бил. Возле нас поворот.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н . Действительно... А что за музыка играла? Что за звон звонил?

К о ф е й к и н а . А это, товарищ Гогенштауфен, часы. Музыка потому играла, что часы двенадцать били. Такой у них под циферблатом музыкальный механизм.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н . Позвольте, а днем в двенадцать они почему не играют?

К о ф е й к и н а . Играют и днем, товарищ Гогенштауфен. Но только у вас в двенадцать перерыв на завтрак, вы в этой комнате не бываете.

ГОГЕНШТАУФЕН. Верно. Значит, все просто?

КОФЕЙКИНА. Вполне. Позвольте вас, товарищ Гогенштауфен, познакомиться. Подруга моя, соседка нашего учреждения, товарищ Бойбабченко. Домохозяйка. Очень она любит наше учреждение.

БОЙБАБЧЕНКО. А в особенности — вас.

ГОГЕНШТАУФЕН. Меня?

БОЙБАБЧЕНКО. Да-с.

ГОГЕНШТАУФЕН. За что же, собственно?

БОЙБАБЧЕНКО. Жаль мне вас, товарищ Гогенштауфен ох, как жаль!

ГОГЕНШТАУФЕН. Виноват?

КОФЕЙКИНА. Жалеем мы вас, она говорит. И правильно говорит. И нет в этом ничего для вас обидного! Простите, прибраться надо. *(Метет.)*

ГОГЕНШТАУФЕН. Я не обижаюсь! Я только не понимаю — за что меня это... любить. И того... как его... Вы того... Простите, я когда... теряюсь... нескладно говорю. Это... Почему жалко?

КОФЕЙКИНА. Потому что вы художник, прямо сказать.

ГОГЕНШТАУФЕН. Я простой экономист!

КОФЕЙКИНА. Экономист, да не простой. Знаю я, что вы за проект готовите.

ГОГЕНШТАУФЕН. Это... того... нескладно говоря... Проект... наш план... того... Усилить. А, будь ты трижды рыжий! О чем говорим мы в конце концов? Что за странности со всех сторон? Ну, знаете вы мой проект — так чего же вам жалеть меня?

БОЙБАБЧЕНКО. А конечно, жалко! Сидели мы с ней в темноте, слушали вашу песню, и сердце у меня дрожало.

ГОГЕНШТАУФЕН. Сердце?

БОЙБАБЧЕНКО. Дрожало, родной. Так я плакала! Ты пел хорошо, жалостно!

ГОГЕНШТАУФЕН. Я плохо пою.

БОЙБАБЧЕНКО. Нешто мы формалистки? Нам форма — тьфу. Нам содержание твоей песни всю душу истерзало! *(Поет.)* Четырежды пятнадцать шесть! Дес! сять! *(Всклиывает.)* Поет, бедный. Поет и не знает ничего! Не знает...

ГОГЕНШТАУФЕН. Что не знает?

КОФЕЙКИНА. Тебе грозит беда!

ГОГЕНШТАУФЕН. Какая?

КОФЕЙКИНА. Страшная.

Часы снова бьют двенадцать. Музыка.

ГОГЕНШТАУФЕН. Почему часы опять играют?

КОФЕЙКИНА (*бросила мести. Метла метет сама собой. Пауза*). А уж такой у них, товарищ Гогенштауфен, музыкальный механизм под циферблатом. Как двенадцать — играют, бьют!

ГОГЕНШТАУФЕН. Так ведь было уже двенадцать, было!

КОФЕЙКИНА. Они, товарищ Гогенштауфен, спешат. Фактически, астрономически, то есть по звездам, двенадцать часов исполнилось только сей миг. Вот и заиграла музыка, звон зазвонил!

ГОГЕНШТАУФЕН. Ничего не понимаю!

КОФЕЙКИНА. Это не важно! Ты одно пойми: грозит тебе беда. (*Снова хватает метлу, с ожесточением метет.*)

ГОГЕНШТАУФЕН. Этого... того...

КОФЕЙКИНА. Враг твой — беспощадный. У него мертвая хватка. Ты человек живой — этого она тебе ни в жизнь не простит. Но ты не бойся! Веселый будет бой. Мы за тебя.

Гогештауфен. Да кто вы?

КОФЕЙКИНА (*показывает на Бойбабченко*). Она старуха живая, до жизни жадная, увертливая, с врагом смелая, а я... это...

ГОГЕНШТАУФЕН. Ну? Что же вы это... а? Товарищ Кофейкина?

КОФЕЙКИНА. А я, извините, товарищ Гогенштауфен, — я, товарищ Гогенштауфен — волшебница.

Удар грома, молния. В часах сильный звон. Свет в комнате делается значительно ярче. Загорается перегоревшая настольная лампа. Пишущие машинки звонят, стучат. Арифмометры вертятся сами собой, подпрыгивают высоко над столами и мягко опускаются обратно. В углу с грохотом раскрылось и закрылось бюро. Кариатиды — бородатые великаны, поддерживающие потолок, — осветились изнутри.

ГОГЕНШТАУФЕН. Что это делается кругом?

КОФЕЙКИНА. А это из за меня, товарищ Гогенштауфен. У меня энергии

масса. Все кругом прямо оживает. Волшебница ведь я, извините.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Волшебница. Понимаешь? В смысле — ведьма. И не подумай, товарищ Гогенштауфен, что в смысле характера или там наружности она ведьма. Нет. Она полная ведьма! На сто процентов! Я с ней весь вечер сегодня объяснялась — все поняла!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Но волшебниц на свете не бывает, слышите вы, безумные, — не бывает!

К О Ф Е Й К И Н А. Вообще, действительно, не бывает, но одна всегда была и есть. Это я.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. А это все равно, что и нету! Сколько миллиардов людей жило, живет, и еще будет жить — против этого страшного числа одна единственная ведьма все равно, что ничего. Считаю, что вообще, действительно, их нету.

К О Ф Е Й К И Н А. Но только в данном частном случае — вот она я! Волшебница!

Музыка, свет, движение усиливается.

ПЕРВАЯ КАРИАТИДА (*глухим басом*). Волшебница, поддерживаю!

ВТОРАЯ КАРИАТИДА. Поддерживаю, волшебница.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Да ты сядь, товарищ Гогенштауфен.

К О Ф Е Й К И Н А. Кресло, сюда! На-на-на!

Кресло вздрагивает.

Ну, живо!

Кресло подбегает сзади к Гогенштауфену. Ударяет его под колени.

Гогенштауфен падает в кресло.

Посиди, ты волнуешься.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Нет.. Волнуешься... Это... Опытном... опытом... не приучен.

К О Ф Е Й К И Н А. Воды!

Стол с графином подбегает к Гогенштауфену. Графин подымается

в воздух и наливает воду в стакан. Стакан взлетает к губам
Гогенштауфена. Гогенштауфен покорно пьет.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Я понимаю, товарищ Гогенштауфен, неудобно тебе... Мне самой, когда я узнала, кто она такая, тоже было нехорошо. Я к доктору побежала и ее с собой потянула. Кровь ее дала на экстренное исследование.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Ну и что?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Ну и получила анализ. Красных у нее кровяных шариков столько-то, белых столько-то, еще много разного написано, а внизу диагноз стоит.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Какой?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Волшебница.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Так и написано?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Так. Я к главному профессору ходила. Он очки на лоб вздел, весь трусится: сам, говорит, удивляюсь, первый случай, говорит, в моей жизни, странно, говорит, но верно. Видишь! Против науки не пойдешь. Привыкла я! Это все очень просто. Никакого переносного смысла нету. Сказка и все. Привыкай.

К О Ф Е Й К И Н А. Скорей привыкай. Ты в опасности, друг! Упырева твой враг, чего-то готовит. Ты ей ненавистен.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Почему?

К О Ф Е Й К И Н А. Мы кто?

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. То есть?

К О Ф Е Й К И Н А. Что есть наше учреждение? Финансовая часть огромного строительства. К нам люди со всех сторон ездят сметы утверждать. Попадет к тебе человек, как ты его примешь?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Как бабушка родная примешь ты человека. Объяснишь, наставишь, а также проинструктируешь. Каждую часть строительства знаешь ты, как мать сына. Каждую родинку ты, бедный, чувствуешь. Каждую мелочь постигаешь. От тебя человек идет свежий, действительно, думает, центр думает!

К О Ф Е Й К И Н А. А к ней попадет — сразу обалдевает. Она его карболовым духом. Она его презрением. Она ему: вы у нас не один. Он думает: как же так, я строю, а она меня за человека не считает? Я ей, выходит, мешаю? Я ей покажу! Силу он тратит, кровь тратит — а ей того и нужно. Живую кровь

потратить впустую. Мертвый класс. Вот.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. А тут твой проект.

К О Ф Е Й К И Н А. Всю систему упрощает. Всю работу оживляет.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Этого она не простит!

К О Ф Е Й К И Н А. Она все сделает, чтоб тебя расслабить!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Как расслабить?

К О Ф Е Й К И Н А. Размагнитить. И будет она, окаянная, по такой линии действовать, где ее труднее всего взять.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. По какой же это?

К О Ф Е Й К И Н А. По бытовой. Сплетней запутает, клеветой оплетет.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. С Марусей разлучит, разлучница поганая.

К О Ф Е Й К И Н А. Ее только чудом и можно взять. Чудом и возьмем Упырева-то.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Ах, будь ты трижды рыжий!

К О Ф Е Й К И Н А. Только имей в виду, — ты экономист, ты меня поймешь, — все чудеса у меня по смете.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. По чему?

К О Ф Е Й К И Н А. По смете. Могу я в квартал совершить три чуда, три превращения, а также исполнить три любых твоих желания. Так и надо будет планировать! Мелкие чудеса, стул, например, позвать и прочее, это, конечно, сверх сметы, на текущие расходы... Но капитальные чудеса — строго по смете.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Фу ты, черт. Ну, а кто она, Упырева-то вредительница, что ли?

К О Ф Е Й К И Н А. Даже хуже.

П Е Р В А Я К А Р И А Т И Д А. Хуже, поддерживаю.

В Т О Р А Я К А Р И А Т И Д А. Поддерживаю, хуже.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Ах, будь ты... Фу-у!.. Мне даже жарко стало.

К О Ф Е Й К И Н А. Действительно, ночь жаркая, но мы откроем окошки. *(Дует по очереди на окна. Окна распахиваются.)* Диаграммы — кыш!

Диаграммы, висящие на стене в глубине сцены,
скатываются в трубочки.

К О Ф Е Й К И Н А. Ну, Гогенштауфен, легче тебе?

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Как будто легче.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. А я волнуюсь... Неудобно... Или даже, может быть, жутко... Ведь она и мне до поры не сказала, кто эта Упырева... Поступки сказала, а сущность...

К О Ф Е Й К И Н А. Увидишь! Сейчас увидишь. Сейчас оба увидите капитальное чудо. Чудо номер один. Приготовились?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Да.

К О Ф Е Й К И Н А (*смотрит на стену. Свистит*). Ф-р-р-р! Начали!

Стена постепенно становится прозрачной. За стеной — У П Ы Р Е В А.
Сидит одна за столом. Неподвижна как манекен.

К О Ф Е Й К И Н А (*выдергивает из щетки палку. Водит палкой по Упыревой*). Видишь? Вот она. (*Тычет палкой.*) Упырева! Видишь, лицо какое?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Отрицательное!

К О Ф Е Й К И Н А. Вот именно. Вполне отрицательное. Обрати внимание — рот. Маленький, резко очерченный. Нешто это рот? Разве таким ртом можно разговаривать по-человечески? Нет. Да она и не разговаривает по-человечески. Она злобой набита, недоброжелательством полна. Она яды источает.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Гадюка она?

К О Ф Е Й К И Н А. Хуже. А теперь — взглядишь, взглядишь. Разве таким ртом можно есть по-человечески? Нельзя! Да она и не ест по-человечески.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. На диете она?

К О Ф Е Й К И Н А. Хуже! А глаза? Разве они глядят? Они высматривают! Добычу они высматривают.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Вроде коршуна она?

К О Ф Е Й К И Н А. Хуже! А руки! Смотри, когти какие.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Красноватые.

К О Ф Е Й К И Н А. То-то и есть. А лобик. (*Стучит палкой.*) Слышишь звук?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Жуть!

К О Ф Е Й К И Н А. То-то и оно! Что говорит она? Что высматривает? Что когтит своими когтями? О чем думает змеиной своей головой?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. О подлостях!

К О Ф Е Й К И Н А. О живом человеке. Появится на работе живой человек — горе ему, горе, горе! Высмотрит, выживет, живую кровь выпьет. Догадываешься, кто она? А, Гогенштауфен?

ГОГЕНШТАУФЕН. Опытom... Опытom не приучен.

КОФЕЙКИНА. А ты, Бойбабченко?

БОЙБАБЧЕНКО. Бюрократка она!

КОФЕЙКИНА. Хуже. Она их предвечная прамасть, или, по-русски говоря, шеф. Она враг всего живого, а сама питается живым. Она мертвого происхождения, а сама помирать никак не хочет. Она вечно в движении — зачем? Чтобы все движение навсегда остановить и в неподвижные формы отлить. Она смерти товарищ, тлению вечный друг.

БОЙБАБЧЕНКО. Что же она, говори конкретно!

КОФЕЙКИНА. Она — мертвый класс. Мертвый среди живых. А проще говоря — упырь!

Свист и шипение, похожие на змеиные. Свет меркнет. Окна захлопываются сами собой. Гаснет снова перегоревшая лампочка.

Кариатиды постепенно тускнеют.

ПЕРВАЯ КАРИАТИДА. Поддер...

ВТОРАЯ КАРИАТИДА. ...живаем...

Гаснут.

БОЙБАБЧЕНКО. Ну, спасибо! Это, матушка, обман, очковтирательство и все!

КОФЕЙКИНА. В чем дело?

БОЙБАБЧЕНКО. Ты же говорила — одна ты эта... сверхъестественная. А теперь, здравствуйте, тетя, — еще упырь! Это что же выходит? А? А говорила — все просто...

КОФЕЙКИНА. Позволь... Волшебница, действительно, я одна. Добрая. А она злая. И не волшебница, а упырь. Она даже чудес не может совершать. Так, мелкие подлости и все... ясно?

БОЙБАБЧЕНКО. Ну, это еще ничего... Только две, значит, вас? Ты добрая, она злая?

КОФЕЙКИНА. Две. И много тысяч лет мы в бою. Она за мертвых, я за живых. Я — с побеждающими, она — с отживающими.

БОЙБАБЧЕНКО. А может, есть ни злые, ни добрые? Эти... Волшебницы-

упыри... Нейтральные?

К О Ф Е Й К И Н А. Нету таких.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. А колеблющиеся? Перестраивающиеся?

К О Ф Е Й К И Н А. И таких нету.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Ну, хорошо, — хоть отчетливо! Валяй дальше, матушка!

К О Ф Е Й К И Н А. Ладно. Мертвый этот упырь притворяется у нас в учреждении из живых живейшим. Упыри, они же вурдалаки, иначе вампиры, как известно, кровью человеческой питаются. А наша вон что делает. Смотри!
(Свистит.)

У П Ы Р Е В А оживает. Достает из сумочки пузырек, из стола рюмочку. Капает. Пьет. Свисток. Упырева замирает.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Чего это она пила?

К О Ф Е Й К И Н А. Гематоген.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Чего, чего?

К О Ф Е Й К И Н А. Гематоген. Лекарственный препарат из крови завода врачебных заготовлений Наркомздрава. Днем препаратом живет, ну, а вечером она, правда, насыщается досыта. Вечером она совмещает. Служит лаборанткой в лаборатории, куда кровь на исследование дают. Ясно — она по крови специалистка. Она там часть исследует, часть выпьет. Часть исследует, часть выпьет. Вот. Все понятно?

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Да, летим дальше!

К О Ф Е Й К И Н А. Летим. Сейчас мы увидим, о чем говорила Упырева в этой комнате нынче днем. Чудо чистое, вполне научное. Все, что тут происходило, оставило свои следы в эфире. Я это просто проектирую на экране и все.
(Свистит.)

Упырева оживает. Против нее вырисовывается постепенно
Ю р и й Д а м к и н. Упырева разбирает бумаги.

Д а м к и н. Детка, знаете, что интересно? Мне так-есть хочется, что спасу нет. Прямо сам лобуюсь, как мне есть хочется. Сильный организм. У меня есть такой свойство — если я не поем...

У П Ы Р Е В А. Сейчас кончу — поговорим. А пока не болтайте, как заре-

занный. (*“Зарезанный” произносит с наслаждением.*)

ДАМКИН. Детка, знаете новость? Интереснейшая новость! Я себе коронки сделал. На все зубы! Стальные! Нержавеющей стали. А? Детка... У меня теперь стальные зубы! Детка, у меня есть такое свойство,— я не могу морковь есть... Не люблю... А еще я не люблю маслины. Они деревянным маслом пахнут. Детка! Интереснейшая новость — я себе полуботинки купил! Не слушает... Работает... Как симпатично у вас вьются волосы! Смотрите, пожалуйста! Завиваетесь?

У ПЫРЕВА. Да, но завивка у меня вечная.

ДАМКИН. А почему у вас такие белые ручки?

У ПЫРЕВА. Потому что крови мало.

ДАМКИН. А почему у вас такие серьезные глазки?

У ПЫРЕВА. Потому что я пить хочу!

Свист и шипенье, похожие на змеиные.

ДАМКИН. Почему это у вас в комнате всегда отопление шипит? Летом, а шипит? Да! Интереснейшая новость! Я достал вчера себе шевиот на костюм. Двойной! Американский! Не слушает... (*Хлопает себя по лбу.*) Ах, я глупенький! Мне предстоит это, а я не это... Так вот вы зачем просили меня остаться! Конечно! Все разошлись! Мы одни. А? Укусить вас зубами стальными? Пожалуйста! А? Что молчите? Зачем наивничать? Вы не девочка, я не мальчик — будем брать от жизни все, что она дает. Где ключ?..

У ПЫРЕВА. Не нужно.

ДАМКИН. Как не нужно?

У ПЫРЕВА. Вы пристааете ко всем женщинам, как зарезанный!

ДАМКИН (*хохочет*). Ревнует! Не надо! Берите от жизни все, что она дает. А что она даст?

Жизнь — это бочка страданий,

С наслаждения ложечкой в ней.

(*Берет ее за руку.*) Какая холодная ручка.

У ПЫРЕВА. Сядьте.

ДАМКИН. Как сядьте? Ну это уж грубо. У меня есть такое свойство...

У ПЫРЕВА. Не тратьте времени.

ДАМКИН. Я не трачу.

У ПЫРЕВА. Тут у вас ничего не выйдет.

ДАМКИН. У меня, дорогая, есть такой свойство...

У ПЫРЕВА. Довольно.

ДАМКИН. Как это, то есть, довольно? Чего изображать добродетель? Я очень хорошо знаю женщин. Все они дон-жуаны и циники.

У ПЫРЕВА. Оставьте!

ДАМКИН. У меня есть такое свойство, дорогая. Уже если я начал, то не оставлю!

У ПЫРЕВА. Мне с вами поручила поговорить одна женщина! Понимаете? Чего мигаете глазами, как зарезанный? Она в вас влюблена. Это первое мое дело к вам. Второе мое дело — вас ненавидит один мужчина.

ДАМКИН. Кто?

У ПЫРЕВА. Он вам вставляет палки в колеса

ДАМКИН. Не такие у меня колеса, чтоб можно было палки вставлять!

У ПЫРЕВА. А вот он вставляет.

ДАМКИН. Кто он?

У ПЫРЕВА. Да неужто вы сами не догадываетесь?

ДАМКИН (*грубо*). Довольно колбасы! Давайте сосисок! Говорите прямо, что знаете!

У ПЫРЕВА. У вас были столкновения с Гогенштауфеном?

ДАМКИН. У меня есть такое свойство — если мне прямо не говорят, я могу безобразия сделать. Он меня копает?

У ПЫРЕВА. Что вы сделали с Марусей Покровской?

ДАМКИН. С кем? Ах, да... (*Хохочет.*) Ну, что с ними делают-то вообще? Мы с ней недавно на лод...

Свисток. Дамкин и Упырева замирают.

КОФЕЙКИНА. Не бойся, врет!

Свисток. Дамкин и Упырева оживают.

ДАМКИН. ...ке катались... Природа, виды... (*Поет.*)

Глазки

Сулят нам ласки,

Сулят нам также

И то и се!

Ха-ха! Хо-Хо!

У ПЫРЕВА. Ну, значит, он. Дайте-ка ухо. (*Шепчет.*)

КОФЕЙКИНА. Ближе! Ближе сюда! Слушайте!

БОЙБАБЧЕНКО. Ничего не слышно.

КОФЕЙКИНА. Сейчас вторично пушу. Встань на стул. Слушай.

Бойбабченко на стуле у стены. Кофейкина свистит.

ДАМКИН (*в точности повторяет предыдущую реплику*).

...нам также

И то и се!

Ха-ха, хо-хо!

У ПЫРЕВА. Ну, значит, они... дайте-ка ухо. (*Шепчет.*)

БОЙБАБЧЕНКО. Нет, не слышно: тихо шепчет, окаянная.

КОФЕЙКИНА. Гогенштауфен — к стене! Повторяем! (*Свистит.*)

ДАМКИН.

...же-е

И то и се!

Ха-ха, Хо-хо!

У ПЫРЕВА. Ну, значит, он... дайте-ка ухо. (*Шепчет.*)

КОФЕЙКИНА. Опять не слышно? Ну, тогда пушу медленно! Слушайте во все ваши уши! От этого, может, жизнь человеческая зависит. (*Свистит.*)

Упырева и Дамкин повторяют предыдущие реплики чрезвычайно медленно, как при ускоренной съемке в кино.

ДАМКИН.

...су-у-у-л-я-я-т

На-а-а-а-м-м ла-а-а-ски.

Су-у-лят нам также

И то и се-е-е...

У ПЫРЕВА. Ну-у, зна-а-а-а-чит-ит о-о-они... Да-а-ай-те-ка у-у-у-у-у-у-у-у-у-х-х-о-о! (*Шепчет.*)

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Нет, не слышно.

К О Ф Е Й К И Н А. Почему она шепчет, гадока! Неужто догадывается?

Продолжайте! (*Свистит.*)

Д А М К И Н (*на шепоте Упыревой*). Да не может быть! Ну, я ему покажу. А она-то! Ах, ты, детка! У меня есть такое свойство... Ах, ты, Гогенштауфен...

У П Ы Р Е В А. Но будьте осторожны с ним!

Д А М К И Н. Будьте покойнички! В этом кармане, но не в этом пиджаке. Так это, говорите, его прямо убьет?

У П Ы Р Е В А. Расстроится, как зарезанный.

Д А М К И Н. А наверху его проект, значит, того?

У П Ы Р Е В А. Совер...

Свисток.

К О Ф Е Й К И Н А. Не бойся — врет.

Свисток.

У П Ы Р Е В А. ...шенно провалился...

Д А М К И Н. Я всегда говорил... Значит, завтра ждать? Она напишет? Прекрасно! Бегу! Детка, знаете новость?

К О Ф Е Й К И Н А. Надоел! (*Свистит.*)

Действие на сцене начинается идти с необычайной быстротой,
как в киноленте с вырезанными кусками.

Д А М К И Н (*скороговоркой*). Потрясающая новость... Демисезонное пальто... Пальчики оближешь! Бегу! Стальные зубы! Есть хочу! Пока! Я... я... мне... меня... со мной... ко мне...

Жизнь — это бочка страданий,

С наслаждения ложечкой в ней!

Уносится прочь.

У П Ы Р Е В А (*скороговоркой*). Так-так-так, все идет... Сейчас позову

Марусю...

КОФЕЙКИНА. Интересно... *(Свистит.)*

У ПЫРЕВА *(обычным темпом)*. Сейчас позову Марусю, займемся объявлением. И все запутается, и все замечутся, как зарезанные, все расстроится. *(Напевает, перебирая почту.)* Там, где были огоньки, стынут, стынут угольки... *(Внезапно оживляясь, взглядывается в штемпель)*. Какое красивое название города: Режи-цы. Ах, скоро ли в лабораторию... Вчера там был выходной день. *(Страстно.)* Я пить хочу!

Свист и шипенье, похожие на змеиные.

Я тебе покажу проект! Оживление! *(Брезгливо плюет, вытирает губы.)* Притихнешь. *(Напевает.)* Там, где были огоньки, стынут угольки... Маруся!

Входит М А Р У С Я.

У ПЫРЕВА. Марусенька! Не в службу, а в дружбу. Машинистки разошлись, а надо, чтобы не забыть, написать объявление. Что вы улыбаетесь? Кому?

М А Р У С Я. Да так... Это я себе...

У ПЫРЕВА. Себе? Эх, Марусенька, ты ходишь сейчас вся, как фонарик. Изнутри светишься. Как я тебя понимаю!

М А Р У С Я. Понимаете?

У ПЫРЕВА. Как дочку. Да не опускай ты голову. Все хорошо. Не опускай, дурочка, головку. От мужчины скроешь, от женщины никогда. У вас с ним это... С Гогенштауфеном...

М А Р У С Я. Ну, зачем вы говорите!

У ПЫРЕВА. У вас с ним все хорошо. И ты еще привыкнуть не можешь. Все вспоминаешь. Все вспоминаешь.

М А Р У С Я. Ну, зачем вы...

У ПЫРЕВА. Любя... Глядя на тебя, свою молодость вспоминаю.

М А Р У С Я. Но ведь вы совсем молодая.

У ПЫРЕВА. Но не девочка, а ты еще девочка. *(Целует ее и, отвернувшись, пихает.)*

М А Р У С Я. Я не знала, что вы такая добрая. Даже неудобно, какая ласковая. Я не знала.

У ПЫРЕВА. Ну, знай теперь. И если что у тебя будет неладно, иди прямо ко мне. Вот. А теперь пиши, я тебе продиктую. Вот тебе бумага. Пиши прямо на всей стопе, так удобней. Пиши. Только распланируй слова так, чтобы машинистки поняли, как печатать. Наверху напиши... нет, не надо. И так понятно, что объявление. Ну, значит, что же... Пиши во весь формат: “Обязательно приходите все, все, все восьмого июня в парк на вечер цыган, в шесть часов вечера. Хор исполнит...”

Теперь пиши название вещи с одной стороны, и композитора — с другой. Налево, вот здесь, пиши: “Любви не прикажешь”. Направо, вот здесь — старинный романс.

Любовь победила — музыка Зинина.

Молчи со мною о письме — музыка Вавича.

Мне стыдно — музыка Дракули-Критикос.

Твоя навек — музыка Бравича.

Маруся — народная песня.

Вот и все, голубчик. И отдай это машинисткам завтра с утра. Летний развлекательный концерт! Бежишь?

МАРУСЯ. Да, бегу. А ты?

У ПЫРЕВА. К нему? Ну, беги, а я еще чуть поработаю. Иди, милая!

Маруся уходит.

У ПЫРЕВА. Прекрасно! Все готово! В трех экземплярах! Бумага-то промокает! Ну, теперь попляшут они! В сетях они! *(Разглядывает письмо.)*

КОФЕЙКИНА. Чему она радуется? А ну, посмотрим это объявление. *(Свистит.)*

На сцене — объявление крупным планом:

“Обязательно приходите все, все, все

Восьмого июня, в парк, на вечер цыган.

В шесть часов вечера. Хор исполнит:

Любви не прикажешь — старинный романс.

Любовь победила — музыка Зинина.

Молчи со мною о письме — музыка Вавича.

Мне стыдно — музыка Дракули-Критикос.

Твоя навек — музыка Бравича.
Маруся — народная песня”.

К О Ф Е Й К И Н А. Ничего не понимаю.

У П Ы Р Е В А (за тисьямом). Это объявление все перекрутит.

К О Ф Е Й К И Н А. Каким образом?

У П Ы Р Е В А. А за него я сама постараюсь. Ну, надо бежать. Завтра, в обеденный перерыв начнутся веселые танцы! Бегу!

К О Ф Е Й К И Н А. Катись! (Свистит.)

Стена становится на место. Диаграммы повисают.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Что это такое? Когда было вчера? Несколько часов прошло или сто лет? Что за странная жизнь пошла! Что она шептала Дамкину? Почему она так обрадовалась дурацкому этому объявлению? При чем тут цыгане? При чем тут песни?

К О Ф Е Й К И Н А. Пойдем. Все-таки мы попали на след. Где мой электрический пылесос?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Нашла время пыль сосать.

К О Ф Е Й К И Н А. Не для пыли ищущу я пылесос.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. А для чего?

К О Ф Е Й К И Н А. Сейчас поймешь. Все-таки она проговорила! Завтра в обеденный перерыв окружим ее и будем следить, следить, следить — в шесть глаз!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Как же следить? Во-первых, она почует. Во-вторых, мне лично следить неудобно. Я же в штате не состою! Она меня порвет.

К О Ф Е Й К И Н А. А ты забыла, кто я? Над городом ветер, в городе тихо, под городом камни! Я в полной силе!

Распахиваются окна и дверь на балкон.

За дверью ночной город.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Как же мы будем следить?

К О Ф Е Й К И Н А. Было бы дело зимой — дала бы я вам шапки-невидимки. Но не зима теперь, — лето, тепло, хорошо. И раздам я вам поэтому завтра кепки-

невидимки. Потрачу капитальное чудо номер два. Где мой электрический пылесос?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Да зачем он тебе?

К О Ф Е Й К И Н А. К ней полечу. Моложе была — на метле летала, а теперь состарилась, отяжелела — летаю на электрическом пылесосе. Мне, старой, на нем покойнее. Все-таки электроэнергия. Спи, Гогенштауфен.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. А проект?

К О Ф Е Й К И Н А. Спи, машины-арифмометры за тебя пореботают.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Позволь, но ведь там надо знать!

К О Ф Е Й К И Н А. Я все знаю. Моя энергия в них будет работать. Это даже не чудо, а чистая наука. Правят кораблями с берега, а я с дороги буду править машинами. И все очень просто. Чистая наука.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Позволь, но ты-то сама...

К О Ф Е Й К И Н А. Я все знаю. Забыл, кто я? Я молода была — называлась фея. Это я теперь Кофейкина. Все очень просто. Спи.

В окно влетает подушка. Нерешительно повисает в воздухе.

К О Ф Е Й К И Н А *(подушке)*. Да-да, правильно, сюда!

Подушка укладывается Гогенштауфену под голову.

К О Ф Е Й К И Н А. Вот так. Отдыхай. *(Арифмометру.)* А ну, перемножь-ка мне, браток, две тысячи восемьсот на триста сорок восемь.

Арифмометр вертится сам собой. Кофейкина берет под мышку зонтик, пылесос. Идет на балкон, становится на перила, идет по воздуху.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Что же ты, матушка, пешком?

К О Ф Е Й К И Н А. А тут, между домами, много воздушных ям. Подымусь повыше, сяду и поеду себе. *(Останавливается в воздухе, улыбаясь, глядяется в Гогенштауфена.)*

Арифмометры вертятся сами собой. Поднимается звон. Музыка.

Кариатиды спрыгивают со стен. Вместо ног у них орнаменты. Они прыгают на своих оранментах, как мячи. Из ящиков письменного стола поднимаются в большом количестве девушки. Вступают в танец.

Бойбабченко с ними. Мебель тоже пляшет.

ГОГЕНШТАУФЕН. Что это?

КОФЕЙКИНА. А это сон. Ты видишь сон. Спи!

Завтра бой — свирепый и суровый.

Но я с тобой — и горе Упыревой!

Уходит по воздуху.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната перед кабинетом Упыревой.

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся! Маруся! Маруся!

МАРУСЯ. Что?

ГОГЕНШТАУФЕН. Мне очень много тебе надо было сказать, а как увидел — забыл. Я тебя так давно не видел. У тебя кофточка новая?

МАРУСЯ. Мы два дня не виделись. Это кофточка старенькая. Сейчас обеденный перерыв — давай пообедаем вместе.

ГОГЕНШТАУФЕН. Нет, Марусенька, нельзя мне.

МАРУСЯ. Жалко... Знаешь, я к тебе очень привыкла. А ты что, работать будешь?

ГОГЕНШТАУФЕН. Нет... То есть...

МАРУСЯ. Уходишь?

ГОГЕНШТАУФЕН. Нет, но меня не будет...

МАРУСЯ. Совещание, что ли?

ГОГЕНШТАУФЕН. Да... Вроде. Ты вчера приходила?

МАРУСЯ. Приходила.

ГОГЕНШТАУФЕН. Случилось что?

МАРУСЯ. Нет... Скучно стало...

ГОГЕНШТАУФЕН. А говорила — надо спешно передать?

МАРУСЯ. Это я со страху выдумала. Я хозяйки твоей боюсь.

ГОГЕНШТАУФЕН. А ты ее не бойся.

МАРУСЯ. Она когда на меня смотрит, что-то шепчет. Не то молится, не то ругается.

ГОГЕНШТАУФЕН. А-а, да. Это она насчет кухни боится. Переедешь — будешь готовить. Она боится.

МАРУСЯ. А ты уже сказал, что я переезжаю?

ГОГЕНШТАУФЕН. Да... То есть нет еще... Я ей напишу. Она сама каждый день говорит... Но не в этом дело! Будь осторожнее, Маруся, будь осторожней!

Приключения Гогенштауфена

МАРУСЯ. А что такое?

ГОГЕНШТАУФЕН. Не могу объяснить — сложно. Ну, будут, например, меня ругать — не верь!

МАРУСЯ. Что ты! Кто тебя будет ругать? Все говорят: вот талантливый... Экономист и вдруг талантливый... Тебя все любят!

ГОГЕНШТАУФЕН. Никому не верь, ничему не верь.

МАРУСЯ. А тебе?

ГОГЕНШТАУФЕН. Мне, конечно, верь.

МАРУСЯ. Я к тебе... приду сегодня?

ГОГЕНШТАУФЕН. Да... А пока прощай. *(Обнимает ее. Свисток. Гогенштауфен торопливо надевает кепку. Исчезает.)*

МАРУСЯ. Что такое? Куда он исчез? Или это у меня опять голова закружилась?

ГОЛОС ГОГЕНШТАУФЕНА. Прощай, Маруся.

МАРУСЯ. Ты где — за дверью?

ГОЛОС. Да, вроде.

МАРУСЯ. А как ты исчез? Молчит. Конечно, он просто ушел. Всегда у меня от него так голова кружится, что прямо неудобно. Интересно — у всех это бывает или только у меня?

Сцена меняется. Кабинет Упыревой. Кончается обеденный перерыв.

За столом пьют чай Юрий Дамкин, Журочкин, Арбенин,

Брючкина. Упырева сидит в стороне.

Возле нее Кофейкина, Бойбабченко,

ГОГЕНШТАУФЕН.

Журочкин. Страшно, товарищи, прямо страшно делается. Как можно бухгалтерии касаться? Бухгалтерии касаться нельзя. Это такая система, которая вечная. А Гогенштауфен подлец. Это — раз! Наглец — это два! Пройдоха — это три! *(Говоря "раз", "два" и "три", отбрасывает эти цифры на счетах.)* И в итоге получается черт знает что! Когда мне было лет восемнадцать *(отбрасывает на счетах восемнадцать)*, я сам иногда ночью думал — а нельзя ли, например, отчет упростить? Нельзя, вижу! Нет! Зачем вертится Гогенштауфен в бухгалтерии? Что нюхает? Все трусость! Боится, что недостаточно старается. Вдруг не заметят. Хоть бы провалился он со своим проектом.

Бойбабченко шлепает его по лысине.

Журочкин (*вскакивает*). Какое странное явление! Что-то теплое стукнуло меня по голове! Вот... Довели... Стукать начало меня!

Арбенин. Нервы.

Журочкин. Конечно! Довели...

Кофейкина. Поаккуратнее надо. Они нас не видят и не слышат, но чувствуют, если коснешься... Чудо чистое, вполне научное.

Гогенштауфен. Ну, когда же, когда все это выяснится? Обеденный перерыв кончается.

Кофейкина. Смирно...

Брючкина. (*хохочет. Подходит к зеркалу, у которого стоит Бойбабченко. Поправляет волосы.*) Гогенштауфен такой чудак.

Бойбабченко. Чего она лупится на меня?

Кофейкина. Она сквозь тебя в зеркало глядит.

Брючкина. Ужасный чудак.

Бойбабченко. Ты хороша.

Брючкина. Недавно я иду, а он щурится на меня...

Бойбабченко. Слепила, подумаешь!

Брючкина. В ваших, говорит, очках есть бесенок. Я так хохотала! Зачем это ему?

Бойбабченко. Точно, что незачем!

Арбенин (*Упыревой*). А скажите, атласная, это верно, что в сферах к его проекту отнеслись скептически?

Упырева. Не имею пока права сказать. Но...

Арбенин. Я это знал заранее. Все очень хорошо знал.

Упырева. Проект хороший.

Бойбабченко. Вот хитрая скважина!

Упырева. Гогенштауфен человек талантливый.

Арбенин. Я так и знал, что все это скажете, шелковая. Знаю я таких. Очень хорошо знаю... Талантливый! Все люди одинаковы! Он такой же человек, как и все. Ловкач, пролаза, приспособленец, лентяй!

Упырева. Доброжелателен. Его любит периферия.

Журочкин. Доброжелателен! Это ломанье, и все! Как можно быть доброжелательным, когда приходит человек ко мне, чтоб я ему деньги выпи-

сал! Я как увижу такого из своей стеклянной клетки, так в момент зверею от страха. Все идет гладко — вдруг здравствуйте, ассигновка! Да мало ли что по смете! Убил бы!

А Р Б Е Н И Н. Все это я знаю, все понимаю... Побывал бы он в шкуре юрисконсульта среди людей без малейшего признака юридического мышления.

Б Р Ю Ч К И Н А. А в машинописном бюро красиво? То это экстренно, то это экстренно. А мне-то что? *(Хохочет.)* У нас на периферии есть один химик. Огромный-огромный — его путают на улице с Петром Великим.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Пугаются должно — памятник идет.

Б Р Ю Ч К И Н А. Он как приедет, сейчас скачет в машинописное бюро.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. На лошади аль пешком?

Б Р Ю Ч К И Н А. Увидит меня и вздыхает. И шурится. Я всегда так хохочу. Зачем это ему нужно? Вот к нему я все-таки доброжелательна. *(Хохочет.)* Петр Великий! Ах-ах!

У П Ы Р Е В А. Его проект может вызвать большое оживление.

К О Ф Е Й К И Н А. Подначивает, подначивает, натравливает!

А Р Б Е Н И Н. Оставьте, фильдекосовая! Однако проект не одобрен? Периферию распускать надо, а?

Ж У Р О Ч К И Н. На голову себе сажать?

Б Р Ю Ч К И Н А. Перед посетителями унижаться?

А Р Б Е Н И Н. Я давно предлагаю — завести пропуска.

Ж У Р О Ч К И Н. Святые слова!

Б Р Ю Ч К И Н А. Лезут совершенно неинтересные люди.

Ж У Р О Ч К И Н. Хотя бы один день никто не пришел, никто бы не мучил. К двум принес кассир из банка деньги, к шести обратно сдал бы ту же сумму, копеечка в копеечку. Ходили бы бумаги внутри аппарата! Работала бы машина для одной красоты. Ах... Простите, что мечтаю, но очень я изнервничался! Вчера, например, читал я книжку и расплакался. А книжка-то смешная. “Вий” Гоголя. Изнервничался. Стучает меня.

Д А М К И Н *(хохочет).*

Ж У Р О Ч К И Н. Что это вы?

Д А М К И Н. Ха-ха-ха! Наелся. А вы, детки? Детка Упырева? Детка Брючкина? *(Хохочет.)* Хорошо. Да, товарищи, слышали новость? Я себе зубы вставил. Стальные. Нержавеющей стали. Жарко! Люблю жару. Я люблю. Я... у меня... мне...

Входит Маруся Покровская.

ДАМКИН. Привет, детка... Ля-ля-ля-ля.

ЖУРОЧКИН. Привет, товарищ Покровская.

АРБЕНИН. Что это вы будто не в себе?

МАРУСЯ. Вот утренняя почта, я разобрала. *(Вдруг закрывается платком.*

Плачет.)

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся!

КОФЕЙКИНА. Вот оно! Началось!

УПЫРЕВА. Что с вами?

ЖУРОЧКИН. Может, нервы? Может, вас это... стукнуло?

БРЮЧКИНА. Кокетничает!

АРБЕНИН. Все я знаю, все понимаю.

ДАМКИН. Утешим, утешим!

УПЫРЕВА. Погодите. *(Отводит Марусю на авансцену. Невидимые ее окружают.)*

УПЫРЕВА. В чем дело? А? Ну, скажи... Я старший товарищ, я опытней тебя... Пойму. Письмо, что ли, получила?

Маруся качает головой.

Из дому? Нет? А откуда? Ах, от него? От Гогенштауфена?

Маруся кивает головой.

ГОГЕНШТАУФЕН. Что такое?

КОФЕЙКИНА. Началось! Началось!

УПЫРЕВА. Поссорилась?

МАРУСЯ. Нет... Он только что сказал: никому не верь, только мне верь! И вот такое страшное письмо... вдруг... А говорил — верь.

УПЫРЕВА. Издевался... Намекал, чтобы письму верила! Он этим известен.

МАРУСЯ. Известен?

УПЫРЕВА. Большой подлец с женщинами. Так хороший человек, а с женщинами — зверь!

Гогенштауфен. Я...

КОФЕЙКИНА. Не мешай!

УПЫРЕВА. Иди домой, успокойся, но ему ни слова. Не унижал себя. Иди умойся. Иди. Я подожду...

Маруся уходит.

УПЫРЕВА (хохочет).

Свист и шипенье, похожие на змеиные.

ЖУРОЧКИН. Как мне этот шип действует на мозги!

БРЮЧКИНА. Чего эта фифа ревела?

УПЫРЕВА. Страсть...

БРЮЧКИНА. К Гогенштауфену?

УПЫРЕВА. Ошибаетесь...

ДАМКИН.

Глазки

Сулят нам ласки,

Сулят нам также

И то и се!

АРБЕНИН. Я так и знал, я был совершенно уверен, что в случае неудачи проекта Гогенштауфен будет оставлен этой девочкой.

УПЫРЕВА (разбирает почту, напевает). Там, где были огоньки, стынут, стынут угольки. Вам письмо, товарищ Брючкина.

КОФЕЙКИНА. Гогенштауфен, вперед!

УПЫРЕВА. Что такое? Все как сговорились сегодня: и вам, и вам, и вам!
(Хохочет.)

Свист и шипенье. Арбенин, Журочкин, Дамкин читают письма.

Начинают сначала улыбаться, потом хохотать. Потом,

подозрительно взглянув друг на друга, быстро расходятся.

Невидимые тоже прочли все письма. Только письмо Брючкиной не удалось прочесть. Она читала его осторожно. Прочтет слово — и прижмет письмо к бюсту. Стонет, раскиснув от смеха: “И зачем это ему нужно?” Уходит.

У ПЫРЕВА (в сильном возбуждении, почти прыгает). Мобилизована моя армия! Так их! Агу их! Крой! Рви!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О (Упыревой). Как ты это сделала?

У ПЫРЕВА. Пойдет путаница!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Зачем всем трем от Марусиного имени свидание в парке назначила?

У ПЫРЕВА. Ну, теперь никого нет, можно и закусить. (Достает гематоген.)

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Зачем?

У ПЫРЕВА. Утихомирятся, с толку сойдутся, и я хоть квартал, а поцарствую. Стекла — в паутину, ступеньки — в злоеший вид, карболовый мой дух! Казарменная моя тоска! Страхолюдно! Уютно! Сотрудники рычат! Народ бежит!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Это ее почерк! Ее! Ничего не понимаю.

К О Ф Е Й К И Н А. Сейчас я с нее собою спесь!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Покажешься?

К О Ф Е Й К И Н А. Нет, у нас установилась с ней другая связь. Невидимая. Беспроволочная, — что твой радио! (Говорит негромко, но отчетливо.) Алло!

Упырева вздрагивает.

К О Ф Е Й К И Н А. Алло!

У ПЫРЕВА. Да, я слушаю.

К О Ф Е Й К И Н А. Узнала?

У ПЫРЕВА. Узнала.

К О Ф Е Й К И Н А. Страшно?

У ПЫРЕВА. Ничуть!

К О Ф Е Й К И Н А. Встречу — убью.

У ПЫРЕВА. Мое время не пришло.

К О Ф Е Й К И Н А. Ан, пришло!

У ПЫРЕВА. Ан, нет.

К О Ф Е Й К И Н А. Ан, пришло!

У ПЫРЕВА. Ан, нет!

К О Ф Е Й К И Н А. Мои-то, живые, горы двигают.

У ПЫРЕВА. А мои-то, мертвые, их за руки.

К О Ф Е Й К И Н А. Мои-то, живые, выше неба взлетают!

У ПЫРЕВА. А мои-то, мертвые, их за ноги!

КОФЕЙКИНА. Однако растем!

УПЫРЕВА. А мы вас, однако, держим!

КОФЕЙКИНА. Мои такую бурю раздули, что тебя любой волной захлестнет!

УПЫРЕВА. А мы на волны маслицем, маслицем, и все уляжется.

КОФЕЙКИНА. Ан, врешь!

УПЫРЕВА. Ан, нет!

КОФЕЙКИНА. Ай, не уляжется!

УПЫРЕВА. Ай, уляжется! Впервой ли нам? Подымается волна, а мы следом. И ну ее приглаживать, прилаживать, причесывать, укладывать, рассасывать, зализывать — и все в порядке. Выкусила?

КОФЕЙКИНА. Против кого идете?

УПЫРЕВА. Врешь, мы не против идем. Врешь, мы следом идем! Человек дело сделает, человек слово скажет, человек сдуру запоет, а мы сейчас же что притушим, что придушим, что заспим, а что и передразним, передразним, передразним, да так передразним, что даже ты живое от мертвого не отличишь. Выкусила?

КОФЕЙКИНА. А вот и не выкусила.

УПЫРЕВА. А вот выкусила!

КОФЕЙКИНА. А вот и не выкусила.

УПЫРЕВА. А я говорю — выкусила!

КОФЕЙКИНА. А я говорю — нет! Ты паразит!

УПЫРЕВА. Меня словом не убьешь.

КОФЕЙКИНА. Ты грязь на колесе!

УПЫРЕВА. Ан, я потяжелей.

КОФЕЙКИНА. Упырь!

УПЫРЕВА. Карьеристка!

КОФЕЙКИНА. Я живому служу!

УПЫРЕВА. И я вокруг живого. Мертвым не пропитаешься!

КОФЕЙКИНА. Сама знаешь — конец тебе приходит!

УПЫРЕВА. Приходит, да не пришел. Я еще свое высосу.

КОФЕЙКИНА. А Гогенштауфена я тебе не дам! *(Стучит по столу.)*

Распахиваются окна. Светит солнце. Музыка.

УПЫРЕВА. Что? Ты так близко?

КОФЕЙКИНА. А ты думала?

УПЫРЕВА. Я думала — ты за тридевять земель!

КОФЕЙКИНА. А я возле хожу.

УПЫРЕВА. Я думала — ты на периферии!

КОФЕЙКИНА. А я в самом центре! *(Пляшет от возбуждения. Поет.)*

Дрыхнет в тине сытый гад,

Завтра ты умрешь!

УПЫРЕВА. Навряд!

КОФЕЙКИНА.

В море соль и в шахте соль —

Завтра будет бой!

УПЫРЕВА. Изволь!

КОФЕЙКИНА.

Пляшут зайцы у межи,

Жизни я служу!

УПЫРЕВА. Служи!

КОФЕЙКИНА.

Суслик жирный гложет рожь —

Смерти служишь ты!

УПЫРЕВА. Ну, что ж!

КОФЕЙКИНА.

Нам недолго воевать —

Ты обречена!

УПЫРЕВА. Плевать! *(Пляшет.)*

У реки, у реки,

Тонут в тине рыбаки,

Догорают огоньки,

Умирают угольки.

Выкусила? *(Убегает.)*

БОЙБАБЧЕНКО *(мечется в азарте)*. Ну, это я уж не знаю, что это! У меня от злости все ругательства в голове перемешались! Что крикнуть? Какое слово в таком случае надо сказать? *(Кричит в дверь.)* Можете в автомобиле ездить... Нет, не то. *(Кричит.)* У меня у самой ребенок дома, а я не лезу без очереди — и это не то. Вагон не резиновый, дура такая! Я...

КОФЕЙКИНА. Успокойся. *(Свистит.)* Ну вот, мы снова видимы. Бежим искать Марусю. Надо их мирить — с этого начнем. Жди нас здесь. Ах, заве-

дующий, где ты? Жди.

ГОГЕНШТАУФЕН. Ладно!

Кофейкина и Бойбабченко убегают.

ГОГЕНШТАУФЕН (*садится, задумывается, поет*). Мы — красная кавалерия, и про нас, да что же это братцы-ы будет, а? С Марусей я поспорился, а как — не понимаю, ах, былинные речистые ведут рассказ. Быть может, я с ума сошел, сама Маруся пишет им, свиданье назнача-а-ет всем троим. Ее знакомый почерк и знакомые слова, несчастная моя го-го-ло-ло-ло-ва-ва! Увидел я конверт в ее руках врагов, и сердце оборвалось, я ругать ее готов. Ее знакомый почерк, ее слова, несчастная моя го-го-го-го-ло-ло-ва-ва.

Входит Брючкина.

БРЮЧКИНА. Ах, вот вы наконец! Зачем вам это надо? (*Хохочет.*) Мы одни?

ГОГЕНШТАУФЕН (*встает*). Как будто... А что?

БРЮЧКИНА. Ну, в таком случае... (*Обнимает его.*) Да! Я получила письмо! Да!

ГОГЕНШТАУФЕН. Чего — да?

БРЮЧКИНА. Да! Я отвечаю тебе на письмо — да! Ах ты какой! Добился-таки своего!

ГОГЕНШТАУФЕН. Чего — своего?

БРЮЧКИНА. Любимый! (*Обхватывает его. Громко стонет.*)

ГОГЕНШТАУФЕН. Почему? Что вы меня давите?

Входит Упырева. Ведет за руку Марусю.

УПЫРЕВА. Ах, какой пассаж! (*Хохочет. Свист и шипенье. Уходят.*)

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся! Маруся!

БРЮЧКИНА. Ну, дорогой, чего ты кокетничаешь? Давай уславливаться! Ведь я с тобой...

ГОГЕНШТАУФЕН.

Маруси нет, я с Брючкиной бесстыжей.

Все спуталось, ах, будь ты трижды рыжей!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Парк. На заднем плане портик в фанере. Это сцена. Густые кусты.

В кустах — небольшая статуя фавна.

У ПЫРЕВА (*быстро ходит назад и вперед*). Очень хорошо! Это очень хорошо! Это превосходно! Прекрасная честность этой волшебницы довела меня до предела. Раз в сто лет, раз в сто лет прихожу я в бешенство — это очень хорошо. Что моя вчерашняя злоба? Кошачье мяуканье, воробьиная драка, мелкий дождик, змея шипит из-под камня, сырость ползет из болота — это все только капельки. А мое сегодняшнее бешенство? О, мое сегодняшнее бешенство! Это пожар, землетрясение, наводнение, обвал, раз в сто лет, раз в сто лет! Она меня предупредила! Она мне сказала — я здесь! Она честно борется, старая дура! Ну, и хорошо! Ну, и превосходно! Раз в сто лет прихожу я в бешенство — и тоже творю чудеса. Раз в сто лет!

В портике — взрыв нестройных звуков — репетируют трубачи.

Оркестр репетирует, а я готова. А вдруг нет... Вдруг мне это кажется? Попробуем... Я чувствую, чувствую, знаю — сегодня я тоже могу творить чудеса! Раз в сто лет! Раз в сто лет! Попробуем! (*Останавливается перед статуей фавна.*) Стоишь?

ФАВН. Стою!

У ПЫРЕВА. Отвечает! Прекрасно. Ну, дорогая ты моя волшебница, я в полном бешенстве. Теперь увидим, кто кого. Стоишь?

ФАВН. Зачем вы меня, мадам, дразните?

У ПЫРЕВА. Побегать хочется?

ФАВН. Напорельман! Дорожки хороши, поворачивают, так бы и побежал, елки-палки!

У ПЫРЕВА. Это что за слова?

ФАВН. В парке стоим, — приучились. У меня много их, слов-то, а какие когда говорить — не знаю. Сто десять лет слушаю. Сто десять лет молчу, сто десять лет стою. Меланхолия гложет, пароль д'онер. Вы извините за выраже-

ние, волшебница?

У ПЫРЕВА. Как видишь!

Ф А В Н. У меня к вам будет просьба.

У ПЫРЕВА. Какая?

Ф А В Н. Разрешите побегать?

У ПЫРЕВА. Это к чему же?

Ф А В Н. Ножки чешутся!

У ПЫРЕВА. Отпущу — безобразничать будешь?

Ф А В Н. А вам как угодно?

У ПЫРЕВА. Чтобы безобразничал. Бегай, ори, пугай, путай, как бешеный!

Ф А В Н. Да пожалуйста! Гражданка, куда же вы? Ма фуа! Накажи меня господь! Да я такой повеса, что в свете удивляются. Я хулиган! Я невежа! Куда же вы?

У ПЫРЕВА. Я смотрю! Не ори.

Ф А В Н. Ждете кого? Пошлите меня. Я сбегаю, пригоню. Я сбегаю. Я такой скороход, что и при дворе восхищались бы! Цимес! Я разобьюсь в куски, сакре ном, только прикажите.

У ПЫРЕВА. Где же Маруся?

Ф А В Н. Доставим в момент, ма фуа!

У ПЫРЕВА. Неужели все сорвалось?

Ф А В Н. Что вы говорите, волшебница! У вас разве может что сорваться? Жамэ. Погода хороша, саперли папет. Отпустите. О, бон дье! Отпустите, душенька! Отпустите, прелестница, чтобы я мог опьянеть у ваших ножек! Разрешите умереть за ваше здоровье, канашка! Куда же вы?

У ПЫРЕВА. Идут! Маруся и Журочкин!

Ф А В Н. Пугануть?

У ПЫРЕВА. Не лезь. Буду я на тебя силы тратить. Веди ее, Журочкин! Так ее! Хорошо, будьте вы все прокляты! А ты стой статуей! *(Убегает.)*

Ф А В Н. Так. Благодарствуйте. Подначила и ушла, кокотка! Вавилонская блудница! Очковтирательница! А я так мечтал! Я голову теряю от досады, голову теряю, парбле!

Входят Маруся и Журочкин. Трубачи играют подобие вальса.

Журочкин. Если я что ненавижу, Марусенька, так это Гогенштауфена. А вы?

МАРУСЯ. Не говорите об этом. Я голову потеряла.

ЖУРОЧКИН. Не буду. Хотел выяснить, но после, после... И об этом не буду, и об чем вы приказали, не буду. В письменной форме что приказали — исполню.

МАРУСЯ. Ничего не понимаю!

ЖУРОЧКИН. Есть, есть. Я очень хорошо знаю женщин. Они такие хрупкие! По-моему, и служить женщинам не надо. Хорошо, когда молодая жена дома... Пойдешь на службу — там шипы, придешь домой — а там цветок. Хо-хо... Это я вам, Марусенька. Позвольте вас поддержать за ручку.

МАРУСЯ. Что за глупости?

ЖУРОЧКИН. Не глупости это, а нежности. Мне по-старому не хочется больше жить. Отвечаю вам — да.

МАРУСЯ. Что — да?

ЖУРОЧКИН. Я весь отдавался нелюбимому труду. Извольте, я согласен. Теперь я вам отдамся. С любовью.

МАРУСЯ. Что?

ЖУРОЧКИН. Отдамся... Видел я недавно страшный сон. Сел мне на левую ногу кредит, а на правую дебет. А сальдо получается не в мою пользу. Я кричу, а сальдо смеется.

МАРУСЯ. Пустите, пожалуйста, руку.

ЖУРОЧКИН. А тепер пусть смеется сальдо... Я проснусь — и не один, и вы тут... В мою пользу...

Входит АРБЕНИН.

АРБЕНИН. О! Вы не одни?

ЖУРОЧКИН. Одна, одна... Это я вышел проветриться да и отдал два-три распоряжения. *(Тихо.)* Ты спровадь его, я вернусь. *(Отходит за кусты. Прислушивается.)*

АРБЕНИН *(смотрит на Марусю, улыбается)*. Как все это мне известно... Куда же мы пойдём? А? Сейчас перейдем на ты или после? А? Я получил твое письмо, моя ситцевая...

МАРУСЯ. Что вы мне говорите?

АРБЕНИН. Ах, да, ты просила, чтобы я молчал о письме... Это как понимать?

МАРУСЯ. Какое письмо?

А Р Б Е Н И Н. Твое. Ты писала, чтобы я о нем молчал. Это что значит — молчать о нем с друзьями и знакомыми или не говорить о нем даже с тобой? Чего ты таращишь глаза?

М А Р У С Я. Честное слово, я не понимаю.

А Р Б Е Н И Н. Ну, ладно. Разберемся потом. Идем. Да, вот еще что: давай условимся заранее вот о чем — никаких ласкательных слов. Не надо мне говорить — милый, любимый или там родной. Я этого не переношу.

М а р у с я. А мне какое дело?

А Р Б Е Н И Н. Как же это какое? Меня расхолаживают эти ласкательные слова. Понимаешь? Расхолаживают. Значит, ты в этом кровно заинтересована... Идем!

М А Р У С Я. Куда?

А Р Б Е Н И Н. Мне все равно, куда ближе. Можно к тебе, можно ко мне.

М А Р У С Я. Что это такое? Никуда я не пойду.

А Р Б Е Н И Н. Так и знал... Давай сократим вступительную часть. Ты не знаешь этого, у других иначе, а у меня так. Знай и учти: сопротивление действует на меня расхолаживающе. Понимаешь — расхолаживающе! Идем. *(Тащит ее по аллее.)*

Из кустов навстречу — Журочкин. Музыка переходит в галоп.

Ж у р о ч к и н. Стойте! Я все слышал.

А Р Б Е Н И Н. А нам какое дело?

Ж у р о ч к и н. Как это, какое? Здесь афера. Она аферистка!

А Р Б Е Н И Н. Так я и знал... Конечно...

Ж у р о ч к и н. И я получил письмо, и вы получили письмо. Это она застраховала себе вечер, шантажистка. Думала — один не придет, другой придет! Конечно! Мы, мужчины, в цене. Хамка...

М А Р У С Я. Не смейте! Кому я писала?

А Р Б Е Н И Н. Не притворяйтесь! Все понятно.

Ж у р о ч к и н. Я вам в отцы гожусь, а вы меня обманываете с другим. Бесстыдница!

А Р Б Е Н И Н. У меня было редкое настроение, редкое! Конечно, свинство!

Ж у р о ч к и н. Попшлость!

А Р Б Е Н И Н. Недомыслие!

Журочкин. Я в местком заявлю за ваше поведение!

Входит Юрий Дамкин.

Дамкин. Ах, вот они где! Слушайте, знаете потрясающую новость? Я влюбился!

Журочкин. А нам что?

Дамкин. Интересно! Сказать в кого, а, Маруся? Трепещет детка... У меня есть такое свойство — как влюблюсь, не могу молчать. Говорю друзьям, прохожим, дворнику... С вагоновожатым запрещается разговаривать — а мне все равно, я и ему тоже. Что мне — я влюблен! А, Маруся?

Маруся. Что?

Дамкин. Не слышала? Да что ты такая ошеломленная?

Арбенин. Давно ли вы на ты?

Дамкин. Сказать, Маруся? Губы трясутся у нее, потеха какая! Скажу — с настоящей секунды.

Журочкин. Что же так вдруг?

Дамкин. А вот — прислала она мне такое письмецо, после которого “вы” говорить нельзя... Да, детка? Ой, со смеху умру! Какие у нее глаза, как будто кролик запуганный! Губки в морщинках, детские, все кишочки можно надорвать с хохоту!

Арбенин. Выслушайте нас.

Дамкин. У меня есть такое свойство, когда я влюблен...

Арбенин. Все это я знаю. Вы получили от нее письмо?

Дамкин. Да!

Арбенин. Мы тоже.

Дамкин. От кого?

Арбенин. От нее же!

Дамкин (*спокойно*). Это ерунда.

Журочкин. Как ерунда?

Дамкин. Это вас разыграли.

Журочкин. Почему вы так думаете?

Дамкин. Потому что она мне письмо прислала! При чем тут вы? Не понимаю... Идем, Маруся! Да не вырывайся, детка. У меня есть такое свойство: если я влюблен, от меня не уйти.

Приключения Гогенштауфена

Маруся бежит.

ДАМКИН (с хохотом гонится). Убежать думает, потешная. У меня зубы стальные!

АРБЕНИН (гонится). Нет, стойте, надо выяснить!

ЖУРОЧКИН. Стой! Я сейчас ее осрамлю!

Убегают. Входят КОФЕЙКИНА, БОЙБАБЧЕНКО,
ГОГЕНШТАУФЕН.

ГОГЕНШТАУФЕН. Ах, почему, почему вы думаете, что она может быть здесь! Значит, вы тоже верите, что она сама написала эти письма?

КОФЕЙКИНА. Смотри, смотри на него!

ГОГЕНШТАУФЕН. Вы что-то знаете, но скрываете от меня.

КОФЕЙКИНА. Слушай, слушай его!

ГОГЕНШТАУФЕН. Ну, конечно, вы переглядываетесь! Вы знаете, что она вовсе не такая, какой притворяется. Я все понимаю.

КОФЕЙКИНА. Чувствуешь, Бойбабченко, как ей легко, Упыревой-то? Видишь теперь? С толку сбить человека, который влюблен, совершенно просто. Нету такой подлости, которой он не поверил бы насчет своей девушки. Ох, путаные люди!

БОЙБАБЧЕНКО. Верно, матушка, верно. Я в счастливом возрасте, голова у меня ясная, страстями не затуманенная. Я так им возмущаюсь!

ГОГЕНШТАУФЕН. Что же вы скажете — она подделала письма? Упырева подделала ее почерк? Марусин почерк? Ерунда!

КОФЕЙКИНА. Это дело второстепенное, как она послала письма. Важно, что она это сделала, и тебя надо с Марусей помирить. Твой проект...

ГОГЕНШТАУФЕН. А ну его к черту, мой проект!

КОФЕЙКИНА. Видишь, Бойбабченко?

БОЙБАБЧЕНКО. Вижу и возмущаюсь.

КОФЕЙКИНА. Счастье, что я здесь. А не будь меня... Ах, страшно подумать!

ГОГЕНШТАУФЕН. А где она пропадает, Маруся-то ваша? На работе нет, дома нет, где она? У одного из них? Ха-ха!

БОЙБАБЧЕНКО. Опомнись, безумный!

ГОГЕНШТАУФЕН. Вообще мне все это совершенно безразлично, и я иду

домой.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Опомнись, идол! Опомнись, аспид! Ну куда ты пойдешь?

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Где она пропадала целый день?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Известно где! Не знаешь, что ли, нашу сестру? Сидела весь день у подружки какой-нибудь да плакала.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. А вечером сюда? Куда звала этих...

К О Ф Е Й К И Н А. Не капризничай! Да, вечером сюда. Ее, конечно, вызвала сюда по телефону Упырева. Вон она, Упырева. Стой здесь! Бежим, Бойбаченко! Стой здесь, Гогенштауфен, никуда не уходи, надо выследить, куда она бежит!

За сценой начинает петь хор цыган.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Я пойду домой.

К О Ф Е Й К И Н А. Перестань, стыдно.

Бегут.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н (*садится на скамейку*). Я целый день ничего не ел. Но теперь очень спокоен. Пожалуйста, я останусь. Я очень рад, когда смогу ей высказать в лицо все, что следует. Я очень рад, что я не волнуюсь, что за день перекипел. Я, когда волнуюсь, говорю нескладно, а сейчас я холоден и могу... Вон она! (*Вскакивает.*)

Вбегает М А Р У С Я.

М А Р У С Я. Помоги мне, если хоть что-нибудь помнишь. Ты меня ругал, но будь товарищем! Может быть, я виновата...

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Ага, признаешь!

М А Р У С Я. Но ведь я не нарочно!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Еще бы, еще бы!

М А Р У С Я. Ты, бывало, уснешь, я на тебя смотрю и пропадаю, так я тебя жалею, люблю. Ведь у каждого человека есть свои плохие свойства, прости мне, если я такая плохая, помоги, пусть все будет по-старому! Даже не надо по-старому, только проводи меня домой.

ГОГЕНШТАУФЕН. Зачем? У вас есть трое провожатых! Если у вас такой темперамент...

МАРУСЯ. Опять это проклятое слово! Мало того, что ты его мне в письме написал, ты его еще повторяешь...

ГОГЕНШТАУФЕН. Я тебе не писал.

МАРУСЯ. Не ври!

ГОГЕНШТАУФЕН. Вы выдумали это письмо, чтобы разделаться со мной.

МАРУСЯ. Я...

Вбегает ДАМКИН.

ДАМКИН (*хохочет*). Четвертый! Ну, Маруся! Я об такой девушке всю жизнь мечтал! Идем!

МАРУСЯ. Ну, ладно. Идемте. (*Идет.*)

ДАМКИН. Ха-ха-ха! У меня потрясающая новость—в меня Маруся влюбилась! Рассказал бы, да некогда, ее вести надо. Вот, почитайте-ка письмо от нее. Завтра в обеденный перерыв забегу рассказать подробности. Маруся! Погоди! Маруся! (*Бежит.*)

АРБЕНИН (*пробегает через сцену следом*). Нет, вы не уйдете!

ЖУРОЧКИН. Подождите... Подлая! (*Пробегает*)

УПЫРЕВА (*мчится следом*). Так ее! Крой! Рви! (*Убегает.*)

Вбегают БОЙБАБЧЕНКО, КОФЕЙКИНА.

КОФЕЙКИНА. Видел ее?

БОЙБАБЧЕНКО. Помирился? Чего молчишь?

ГОГЕНШТАУФЕН. Я иду домой.

КОФЕЙКИНА. Погоди, не ругай его. Это я виновата. Ящик с тобой?

БОЙБАБЧЕНКО. В корзинке.

КОФЕЙКИНА. Мчись следом за ними! Не спускай глаз с Дамкина! На тебе ответственность! Не то страшно, что он хвастает, будто всех женщин покоряет, а то страшно, что они ему в конце концов действительно покорятся!

БОЙБАБЧЕНКО. Ну, меня ему не покорить.

КОФЕЙКИНА. Не о тебе и речь! Беги.

БОЙБАБЧЕНКО. Бегу! (*Убегает.*)

КОФЕЙКИНА. Стыдно тебе! Мы столько труда потратили, сколько мелких чудес извели, чтобы девушку к тебе направить, а ты ее врагам выдал?

ГОГЕНШТАУФЕН. Они ей не враги!

КОФЕЙКИНА. Ох, стыдно тебе, стыдно!

ГОГЕНШТАУФЕН. Чего стыдно! Ну вот, смотрите — письмо. Кто его мог написать, кроме нее? Почерк ясный. Читайте: “Обязательно приходите восьмого июня в парк, в шесть часов вечера. Любви не прикажешь. Любовь победила. Молчи со мною о письме. Мне стыдно. Твоя навек Маруся”.

КОФЕЙКИНА. Моя вина, что я эту пустую задачу до сих пор не разрешила. Забыла я, что ты человек влюбленный, а стало быть, тупой и жестокий. А о своем письме к Брючкиной забыл? А о своем письме к Марусе?

ГОГЕНШТАУФЕН. Я не писал никаких писем.

КОФЕЙКИНА. Не хотела я с этим возиться, энергию тратить, да придется. Сейчас я эту пустую задачу решу. *(Оглядывается)* Гляди сюда.

На стене между колоннами плакат — точное повторение того, который диктовала Упырева Марусе.

Плакат ярко освещен изнутри.

Это вот диктовала она Марусе? Это?

ГОГЕНШТАУФЕН. Да.

КОФЕЙКИНА. *(Свистит)*

Правая половина плаката гаснет. Остаются слова:

Обязательно приходите
восьмого июня в парк
в шесть часов вечера
Любви не прикажешь
Любовь победила
Молчи со мною о письме
Мне стыдно
Твоя навек
Маруся.

ГОГЕНШТАУФЕН. Будь я трижды рыжий! А почему три письма?

К О Ф Е Й К И Н А. А потому, что писала она чернилом на целой стопе. А бумага, знаешь, у нас какая? Вроде промокательной. Вот и промокло на три экземпляра. Все просто.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Я того... этого...

К О Ф Е Й К И Н А. А от тебя письма она на машинке печатала. Из того простого расчета, что Брючкина любому письму поверит.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. А Маруся? Это...

К О Ф Е Й К И Н А. А Маруся, может, и опомнилась бы, но как увидела тебя в объятиях у Брючкиной... Рассчитала точно Упырева-то. И письмо от тебя она, конечно, послала грубое, чтобы ошеломить! Эх!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. А я того... дело еще запутал... Марусю выругал... Она пошла... Надо бежать — ноги не идут... Я целый день не ел... Все еще ухуذيшл! Я-то...

К О Ф Е Й К И Н А. Сядь, успокойся! Ну-с! Сейчас в ваши запутанные дела я вмешаюсь. Чуда тут нет особенного. В вас сталкивается ряд энергий и происходит путаница. А во мне одна энергия, простая, ясная. Для начала сброшу я, братец, маску. Пока я от Упыревой пряталась, пока я следила, так мне было удобней. Теперь я иду в открытую!

Свистит. Яркая вспышка пламени. Кофейкина ударяется о стенку и превращается в молодую девушку. Одета она просто, на груди значок ГТО.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Кто это?

К О Ф Е Й К И Н А. Я, дорогой.

Ф А В Н. Волшебница!

К О Ф Е Й К И Н А. Вот именно!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Еще одна?

К О Ф Е Й К И Н А. Да что ты, родной, это же я и есть, Кофейкина.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. А лицо, а платье?

К О Ф Е Й К И Н А. Да ты что, не привык еще, что ли? Просто я переделась к бою. Превращение чистое, вполне научное. Один вид энергии переключила в другой, только и всего. Мне в этом виде легче драться, — дыхание, мускулы.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. А значок?

К О Ф Е Й К И Н А. Ну, а это я уж так. От избытка чувств. Хочу при встрече

Упыреву подразнить. Смотри, мол, подлая, — я готова к труду и обороне!

Ф А В Н. Волшебница! Дозвольте опьянеть у ваших ножек! Разрешите умереть за ваше здоровье!

К О Ф Е Й К И Н А. Да перестань ты на меня глаза таращить! Гогенштауфен! Очнись! У меня только формы изменились, а содержание прежнее. Не будь формалистом!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. В голове звон... Я целый день не ел...

К О Ф Е Й К И Н А. Ешь!

Из-под земли поднимается столик, на столе прибор.

Кипит чайник. Стоят кушанья.

Ф А В Н. Волшебница! Салат “весна”! Селедка в белом вине, импорт, Торгсин. Филе миньон! Рюмка водки за рубль сорок!

К О Ф Е Й К И Н А. Ешь! (*Обнимает Гогенштауфена, уговаривает.*) Ну, будь человеком, оживись, очнись. И погода хороша, и еда хороша, и я с тобой. Сейчас мы все устроим, все наладим! Лето ведь. Деревья растут...

За кулисами — У П Ы Р Е В А И М А Р У С Я.

Кофейкина и Гогенштауфен их не замечают.

У П Ы Р Е В А (*тихо*). Видишь? Кутит с новой. Подлец! Иди себе к Дамкину! Все такие. Чего тебе горевать, отставать? Весело. Лето. Деревья растут... (*Тихо смеется, уводит Марусю, за ними крадутся Журочкин и Арбенин.*)

Ж У Р О Ч К И Н (*тихо*). Не уступлю.

А Р Б Е Н И Н (*тихо*). Не сдамся.

Уходят

К О Ф Е Й К И Н А. Ну вот. Okреп?

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Да... Но нескладно... я... как объясню... ей...

К О Ф Е Й К И Н А. Все будет ладно. Враг-то наш только подлостью берет, чудеса творить — где ей!

Ф А В Н. Волшебница! Сто десять лет стою в такой позиции, как будто сейчас с места сорвусь. Дозвольте помочь! Сакре ном! Пожертвуйте чудо, Христа

ради! Прикажите побегать!

Вбегает Б О Й Б А Б Ч Е Н К О .

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О . Дамкина я к дереву прицепила ящичком! Упырева Марусю сейчас к Журочкину и к Арбенину подвела, они ее мучают. Идем! *(Вглядывается в Кофейкину.)* Ах!

К О Ф Е Й К И Н А . Чего?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О . Ах, ты, дезертир, ренегат, изменница!

К О Ф Е Й К И Н А . Почему?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О . В разгаре боя свой возраст бросила!

К О Ф Е Й К И Н А . Я так подвижной.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О . Врешь, кокетка. Как это противно, когда старая баба так молодится.

Ф А В Н . Это вы, мадам, из зависти!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О . А это еще что за хулиган? Молчи, садовая голова! Уйдешь на минутку — кутеж, бытовое разложение, позор!

К О Ф Е Й К И Н А . Очнись.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О . Сбрось и мне хоть пять-шесть лет. Погода хорошая, лето.

К О Ф Е Й К И Н А . Некогда. Идем!

Ф А В Н . Мадам! Неужто и вы тоже уйдете? Вторая волшебница меня бросает! У меня рассудок помутился, елочки-палочки.

К О Ф Е Й К И Н А . Стой! Какая вторая? Какая еще волшебница?

Ф А В Н . Ой, приревновала! Да нет, мадам, я шучу! Разве та, другая, волшебница? Просто дура сопатая.

К О Ф Е Й К И Н А . Она с тобой говорила?

Ф А В Н . Ну, что вы! Где ей!

К О Ф Е Й К И Н А . А что же ты бормотал насчет второй волшебницы?

Ф А В Н . Я, мадам, экскюзе муа, трепался.

К О Ф Е Й К И Н А . Напугал, дурак. Если Упырева со злости начнет чудеса творить — неизвестно тогда, чья будет победа.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О . А разве она может?

К О Ф Е Й К И Н А . Со злости. Раз в сто лет. Говори честно — она тебя оживляла?

Ф А В Н . Нет, нет, мадам. Она простая очковтирательница, парбле. И злобы в

ней нет. Только хихикает. Позвольте мне присоединиться к вашему ордену.

КОФЕЙКИНА. Взять его, что ли? Возьму.

ФАВН. Ха-ха-ха!

КОФЕЙКИНА. Пока диспозиция простая. Ты, Бойбабченко, вернись к Дамкину. Я пойду к Упыревой. А ты пойдешь...

ФАВН. Пойду? Я помчусь, а не пойду, прелестница!

КОФЕЙКИНА. А ты пойдешь и отгонишь от Маруси мужчин. Понял?

ФАВН. Еще бы.

КОФЕЙКИНА. А ее ласково приведешь сюда.

ФАВН. Приласкаю ее, накажи меня господь!

КОФЕЙКИНА. Без подлостей!

ФАВН. Слушаю-с!

КОФЕЙКИНА. Смотри! Исполнишь — буду пускать тебя каждый вечер. Напутаешь — в мраморное мыло превращу, в кооперацию отдам.

ФАВН. Да что ты, очаровательница! Я ведь тоже хоть и паршивенький, а все-таки профессионал! Вроде — бесеночек!

КОФЕЙКИНА. А если я узнаю, что Упырева с тобой разговаривала, а ты скрыл, — горе тебе, горе, горе!

ФАВН. Ну вот, скажете тоже! Буду я от такой красотки скрывать что-либо!

КОФЕЙКИНА. Ох, смотри. *(Свистит.)* Але-гоп!

ФАВН *(спрыгивает с пьедестала, делает ряд высочайших прыжков. Чешется. Повизгивает, мечется, как пес, которого взяли гулять).*

КОФЕЙКИНА. Лети.

ФАВН. Лечу! *(Делает несколько кругов, пригнувшись носом к земле. Принохивается. Направ на след, с хохотом убегает огромными прыжками.)*

КОФЕЙКИНА. Так. А ты марш марш к ящичку!

БОЙБАБЧЕНКО. Есть! *(Марширует. Уходит.)*

КОФЕЙКИНА. А тебя я сейчас вооружу. Чудес у нас в обрез. Надо приготовить три желанья. Три любых твоих желанья исполнятся. Но не смей желать без моего приказа! Чтобы не было путаницы — только те твои желанья исполнятся, которые крикнешь громким голосом. Понял?

ГОГЕНШТАУФЕН. Да.

КОФЕЙКИНА. Ну, то-то. *(Свистит.)* Раз исполнится, два исполнится, три исполнится! Старайся тише говорить. Ах, неприятно! Если она в полной злобе — все перепутает так, что просто ужас. Придется лететь к заведующему в отпуск.

Беспокоить его. Пойду послезу за ней. *(Уходит.)*

У ПЫРЕВА *(вырастает из-за кустов. Тихо)*. Сиди, жди! Чего ждешь — не будет, а что будет, то не выйдет. Всех перепутаю, все прахом пушу. Вы планы строите, а я расстраиваю. Вы строите, а я расстраиваю. Я в полной злобе. *(Исчезает.)*

Влетает ФАВН.

ФАВН. Дяденька! Ты человек хороший! Я статуй хороший! Я, чтобы побегать, на преступление пошел! Есть другая волшебница, а я от вашей скрыл! Боялся, она меня из ревности не отпустит. Прими меры! Есть опасность! Дядя! Спи... Ну, а у меня все благородство вышло. Больше повторять не буду. Дяденька!

Гогенштауфен вскакивает.

Дяденька! Сейчас придет твоя девушка. А я пока мужчин отведу. *(Кричит в кусты женским голосом.)* Товарищ Арбенин! Журочкин! Идите сюда, я тут над вами издеваюсь! Дурачки! Хи-хи!

Фавн бежит, за ним с ревом проносятся
Журочкин и Арбенин.

ГОГЕНШТАУФЕН. Идет она! Идет. Это ее шаги! Маруся!

Вбегают Брючкина.

БРЮЧКИНА. Ах, вот он где! Прости, я тебя измучила, но я все бегала, делилась с подругами. Подруги рвут и мечут, говорят — ты такой интересный! У меня есть знакомый физик. Маленький, но широкий-широкий! Такой широкий, что его на улице путают с бюстом Пржевальского. Он меня сейчас встретил и говорит: “Отчего у вас такое счастливое лицо. Кто он?” Понимаешь, на улицах замечают...

ГОГЕНШТАУФЕН. Ага.

БРЮЧКИНА. Сядем.

ГОГЕНШТАУФЕН. Ага.

БРЮЧКИНА. Что ты такой скучный?

ГОГЕНШТАУФЕН. Я не могу.

БРЮЧКИНА. Чего?

ГОГЕНШТАУФЕН. Я измучен. Я не спал ночь.

БРЮЧКИНА. Ах ты, шалун. Что делал?

ГОГЕНШТАУФЕН. Работал.

БРЮЧКИНА. Хи-хи-хи.

ГОГЕНШТАУФЕН. Не понимаю — кому это нужно? Зачем вы...

БРЮЧКИНА. Ах, вот что... Ты прав. Идем!

ГОГЕНШТАУФЕН. Куда?

БРЮЧКИНА. Ко мне. Я не буду тебя больше мучить. Идем! Ах!
(Обхватывает его.)

ГОГЕНШТАУФЕН (кричит). А, будь ты трижды рыжей!

На секунду вспыхивает яркий свет. На голове Брючкиной вырастает тройная рыжая прическа. Над бровями — тройные рыжие брови. Рыжие ресницы. Веснушки покрывают ее лицо.

БРЮЧКИНА. Что со мной?!

ГОГЕНШТАУФЕН. Ах, я несчастный!

БРЮЧКИНА. Что за выходка такая!

ГОГЕНШТАУФЕН. Вы стали трижды рыжей.

БРЮЧКИНА (достаёт из кармана зеркальце). Ах! Какое хамство! Зачем вам это надо? Это вы из ревности! Вы увидели, что все мужчины на меня бросаются, и облили меня перекисью!

ГОГЕНШТАУФЕН. Честное слово, нет.

БРЮЧКИНА. Хам! Паршивец! Вы хотите меня таким образом приковать к себе. Это насилие! (Визжит.) Насилие!

ГОГЕНШТАУФЕН. Тихе, ради Христа!

БРЮЧКИНА. Нет, я устрою скандал на весь парк! Пусть все видят, до чего вы в меня влюбились! (Визжит.) Насилие! (Убегает.)

В кустах хохочет У ПЫРЕВА.

ГОГЕНШТАУФЕН. Что будет! Что будет! Что делается!

Вбегает МАРУСЯ.

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся!

МАРУСЯ. Оставьте, пожалуйста...

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся!

МАРУСЯ. Что от меня людям надо?!

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся!

МАРУСЯ. Не врите!

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся!

МАРУСЯ. Отчего это так жизнь устроена? На работе что-нибудь не так — сколько есть мест пойти да рассказать! Местком или даже стенгазета, авторитетный какой-нибудь товарищ. А тут кому расскажешь?

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся!

МАРУСЯ. Вы мне весь взгляд перевернули. Вы!

ГОГЕНШТАУФЕН. Я... так... когда... это... нескладно... нескладно говорю, когда расстроен. Маруся! Я...

МАРУСЯ. Человек прогуляет — его с работы долой. Правильно. А вы со мной такую гадость сделали, и вам ничего не будет. Почему? Небось, если бы знали, что вас за это карточки лишат и опозорят — не писали бы мне такое письмо. Свинство! Я вам так верила! Я один раз даже, может быть, ревела, так я вас любила. Ваша хозяйка меня шепотом ругала каждый раз, а я все-таки к вам ходила.

ГОГЕНШТАУФЕН. Я все могу... доказать... но... я нескладно говорю... как... это быть...

МАРУСЯ. Что вы мне написали? (*Достает письмо.*) Почему такие страшные грубости? Всего одна фраза: “Мне надоел ваш бурный темперамент! Между нами все кончено”. Как вы могли так написать? А? Что я, нарочно? Откуда мне знать?

ГОГЕНШТАУФЕН. Маруся!

МАРУСЯ. Я думала, тут ничего плохого нет, я вас любила, жила хорошо, была веселей всех, а что теперь? Свинство!

ГОГЕНШТАУФЕН. Я ничего этого... этому... не писал... Нескладно, нескладно...

МАРУСЯ. Вы меня довели, что мне работать, жить противно, а это разве ничего не стоит? Разве я была бесполезный человек? Свинство! Чем лучше

Брючкина? Сказал, надо попрощаться, и потом письмо... Что тут такого, когда у человека голова кружится? Прощай!

Гогенштауфен хватает ее за руку.

ГОГЕНШТАУФЕН. Постой... Слова... того... могу... ах... *(Кричит.)* Говорю нескладно, а хочу складно говорить!

На секунду вспыхивает яркий свет.

ГОГЕНШТАУФЕН. Кошка, картошка, полгуся, пожалуйста, не уходи, Маруся. Чай, конфета, котлета — мы немедленно выясним все это.

МАРУСЯ. Вы сошли с ума?

ГОГЕНШТАУФЕН. Хороши романы Дюма!

МАРУСЯ. Это безобразие!

ГОГЕНШТАУФЕН. Европа, Америка, Азия!

МАРУСЯ. Это глупое издевательство!

ГОГЕНШТАУФЕН. Зачем же такие ругательства? Я складно говорить пожелал, и вот получился скандал! Мне самому неприятно, но нету пути обратно! Конечно, я не поэт, ни таланта, ни техники нет, есть только страстные чувства, а это ничто для искусства! Маруся, люблю я тебя, и ты меня слушай, любя. Пойми меня, Маруся, а то сойду с ума — клянусь тебе, Маруся, я не писал письма. Мы жили и ничего не знали, а нас ненавидели и гнали! Гнала нас мертвая злоба, и вот стоим и страдаем мы оба.

МАРУСЯ. За что?

ГОГЕНШТАУФЕН. За то, что, к несчастью, я всегда работал со страстью, а ты со страстью любила — и вот всколыхнулась могила, и пошла окаянная волной, чтоб и нас успокоить с тобой.

На эстраде УПЫРЕВА. Хохочет.

Оглянись! Вон она сзади — вон упырь стоит на эстраде!

Упырева хохочет.

ГОЛОС ФАВНА. Дурачки, хи-хи-хи! Сюда! Как я над вами издеваюсь!

Приключения Гогенштауфена

Вбегает Фавн, за ним Журочкин и Арбенин.

АРБЕНИН. Ах, вот вы где, мадам.

ГОГЕНШТАУФЕН. Я в обиду ее не дам.

АРБЕНИН. Ну, конечно, я так и знал.

ГОГЕНШТАУФЕН. Ручка, тетрадка, пенал.

АРБЕНИН. Что такое?

ГОГЕНШТАУФЕН. Оставьте ее в покое.

ЖУРОЧКИН. Он остряк-самоучка.

ГОГЕНШТАУФЕН. А ты толстяк-недоучка.

ЖУРОЧКИН. Я ее сейчас осрамлю!

ГОГЕНШТАУФЕН. А я тебя сейчас задавлю.

Дерутся.

ФАВН. Очень красиво. Это я! Как мне волшебница приказала всех мужчин сравить, так и сравил! Буду теперь каждый вечер бегать. Шарман!

Журочкин отступает. Арбенин тоже. Гогенштауфен их преследует.

Фавн за ними. Упырева прыгивает с эстрады, подходит к Марусе.

УПЫРЕВА. Что? Вчера все просто казалось, а сегодня жить не хочется? А? Щенок!

МАРУСЯ. Пустите меня!

УПЫРЕВА. Куда? Все перепуталось. Спасенья нет. Я в полной злобе.

МАРУСЯ. Я умру.

УПЫРЕВА. Успеешь. Эх, ты, коровушка! Пасется коровушка, глядит в траву — думает, я живая. А она только мясо. О, анекдот для некурящих. Иди к Дамкину! Он тебя скушает! У него стальные зубы!

ГОЛОС. Зубы его и погубили!

УПЫРЕВА. Кто говорит?

ГОЛОС. Не узнаешь?

УПЫРЕВА. Нет.

Из-за кустов выходит Кофейкина.

КОФЕЙКИНА. Я.

Вбегают ДАМКИН.

ДАМКИН. Товарищ Упырева! В нашем саду посторонняя баба... *(Убегает.)*

УПЫРЕВА. Что это с ним?

ДАМКИН *(возвращается)*. Позволяет себе меня... Понимаете меня... *(Убегает.)*

УПЫРЕВА. Что за ерунда?

ДАМКИН *(возвращается)*. Таскать за зубы. *(Убегает. Возвращается.)*
По всему саду. *(Убегает. Возвращается. Следом за ним Бойбабченко с ящичком.)*

ДАМКИН. Вот это она...

БОЙБАБЧЕНКО. Не фискаль! *(Поворачивает рычаг.)*

Юрий Дамкин с размаху прилипает к ящичку зубами.

БОЙБАБЧЕНКО. Не дергайся, зубы выдернешь!

УПЫРЕВА. Что это за ящик?

БОЙБАБЧЕНКО. Электромагнит новейшей конструкции и сказочной силы. Стой!

КОФЕЙКИНА. Конструкция моя.

УПЫРЕВА. Чудеса-то на исходе?

БОЙБАБЧЕНКО. Так и прилип стальными зубами. Ну, ступай!

Юрий Дамкин выпрямляется. Мычит.

БОЙБАБЧЕНКО. Мычит! Батюшки, да он, кажись, язык прикусил.

КОФЕЙКИНА. Нет! Верхняя и нижняя челюсти намагнитились и притягивают друг друга.

БОЙБАБЧЕНКО. Ха-ха-ха! Это тебе, гаду, наука. В полном смысле слова.

БРЮЧКИНА *(визжит за сценой)*. Насилие!

ФАВН *(вбегают)*. Ой, ведут их, бабушка, ведут! Ой, бабушка, это же форменный праздник. Мильтон со смеху свистнуть не может. Дяденька

Приключения Гогенштауфена

стихами говорит. Я прыгаю!

Входят Милиционер, Арбенин,
Журочкин, Гогенштауфен.

Милиционер. Спорить, гражданин, напрасно. *(Подносит свисток к губам.)*

Гогенштауфен. Я люблю вас, очень страстно!

Милиционер. Ха-ха-ха! *(Резко обрывает смех.)* Вы за это заплатите лишний штраф, только и всего. *(Подносит свисток к губам. Фавн делает необычайно нелепый прыжок.)*

Милиционер. Ха-ха-ха! *(Резко обрывает смех.)* Ничего не выйдет, кроме напрасной волокиты. *(Пробует свистнуть.)*

Гогенштауфен. Вербы, яблоки, ракиты.

Милиционер. Ха-ха-ха! Напрасные старанья.

Фавн делает прыжок.

Милиционер. Ха-ха-ха! Кто не подчиняется...

Гогенштауфен. Тому вред причиняется.

Милиционер. Ха-ха-ха! Черт знает что! Гражданка! Да это у тебя никак свисток?

Кофейкина. Он.

Милиционер. Свистни, сделай одолжение. Я с поста не могу отлучиться, а эти тут бузят, дерутся.

Кофейкина дает два коротких свистка.

Арбенин. Это какой трамвай? *(Орет.)* Какой трамвай, говорю? *(Сует милиционеру деньги.)* Передай кондукторше пятнадцать копеек! А?

Журочкин *(поет басом)*. Лю-блю я цветы полевые, люблю на полях собирать! Арбенин! Обманула нас девушка. Карау-у-ул!

Милиционер. Это что такое!

Кофейкина *(тихо говорит Бойбабченко)*. Я их в пьяных превратила. Последнее превращение — со счету долой!

М И Л И Ц И О Н Е Р. Это вы жалобу подаете, будто вас бьют, а сами в безобразно пьяном состоянии?

К О Ф Е Й К И Н А. Они привязались к двум нашим актерам-затейникам...

М И Л И Ц И О Н Е Р (*kozyряет Гогенштауфену и Фавну*). Рад, что выяснилось.

А Р Б Е Н И Н (*обнимает милиционера*). Кондукторша! Где тут загс?

М И Л И Ц И О Н Е Р. Идем, идем!

А Р Б Е Н И Н. Мне жениться хочется! Кто меня разденет? Кто меня уложит?

М И Л И Ц И О Н Е Р. Идем, идем! Найдутся такие люди. (*Ведет Арбенина. Журочкин семенит следом.*)

Ж У Р О Ч К И Н. Куда вы! Сестрицы! Что вы меня, девушку, бросаете! Во чужой стороне, во неладной семье. (*Плачет.*)

Скрываются, слышны свистки.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О (*показывает на Дамкина*). Смотри, смотри! Что это он все в одну сторону нос воротит?

К О Ф Е Й К И Н А. К северу.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Почему?

К О Ф Е Й К И Н А. Обратился в компас. Зубы — магнитная стрелка на шее на свободном основании... Всех укротили! Он — магнит, остальные в отделении! Наша победа!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Упырева! Где твое жало, ты гибелью нам угрожала!

У П Ы Р Е В А. Я здесь, я здесь, никуда не уйду. И Маруся твоя со мной.

Хор за сценой поет "Маруся отравилась".

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Она моя Маруся, и я на ней женюсь.

У П Ы Р Е В А. Никогда! (*Шипит.*)

Гогенштауфен превращается в курицу.

К О Ф Е Й К И Н А. Так я и знала.

У П Ы Р Е В А. А чудеса ты истратила. Что, Маруся? Женишься на курице?

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н (*кудахчет*).

Врывается Брючкина с целой толпой.

Б р ю ч к и н а. Вот здесь, товарищи! Вот здесь изуродовал он меня из ревности!

Г о л о с а. Где он? Давайте его сюда! Что за пережитки!

Б р ю ч к и н а. Вот вся их компания. Хватайте их! (*Визжит.*) Насилие! (*Тихо.*) Подруги все сбесятся от зависти!

Толпа надвигается. Упырева хохочет.

У П Ы Р Е В А. Отлично! Все перепуталось. Что, старуха, плохи дела?

К О Ф Е Й К И Н А (*бросается к Гогенштауфену, шепчет ему что-то на ухо*).

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н (*кричит куриным голосом*). Лиса, коса, небеса, колбаса, вернитесь к Кофейкиной все чудеса!

К О Ф Е Й К И Н А. Что, съела?

Свисток. Гогенштауфен снова человек. Упырева шипит и превращается в ястреба. Кофейкина превращается в орла. Тогда Упырева превращается в тигра. Кофейкина — в слона. Упырева превращается в крысу, Кофейкина — в кота. Упырева принимает человеческий вид. Кофейкина за ней.

У П Ы Р Е В А. Брючкина публику собрала? Хорошо! Я тебя злобой уничтожу. (*Шипит.*) Берите ее!

К Р И К И из толпы. Хватайте ее! Это она во всем виновата! Это она нас с толку сбивает! Шарлатанка!

Толпа надвигается на Кофейкину.

У П Ы Р Е В А. Съела? Смотри на эту публику! Половина шпаны. Чудо шпану раздражает всегда! Фокусников и тех не любят, обличают, а волшебницу разорвут. Я их сейчас растравлю!

К О Ф Е Й К И Н А. А я их сейчас развеселю. Фавн! Сюда! Возьми эту флейту!

У П Ы Р Е В А (*в ужасе*). Волшебная флейта?

К О Ф Е Й К И Н А. Назад! Играй, Фавн!

Фавн играет. Толпа сначала удивленно и как бы против воли,

а затем все веселей и веселей пляшет. Упырева исчезает.

К О Ф Е Й К И Н А. Ну, что? Съела? Веселье да пляска — где злоба? Чудо чистое, вполне научное. Известное сочетание звуков действует на двигательные центры головного мозга. Пляшите, пляшите, враг мрачен, мы веселы!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н (*танцует*). Кофейкина, я трясуся, куда-то исчезла Маруся!

К О Ф Е Й К И Н А. Что? А где Упырева?

Фавн показывает на небо.

К О Ф Е Й К И Н А. Что? Перестань играть.

Музыка обрывается

Где она?

Ф А В Н. Она, дура сопатая, унесла Марусю под облака.

К о ф е й к и н а. А ты молчал?

Ф А В Н. Волшебница, что я мог? Вы приказали играть!

К О Ф Е Й К И Н А. Вот сдам тебя в музей, позеленеешь ты там от тоски!

Ф а в н. Красотка, что я понимаю? Я же маленький, мраморный.

К О Ф Е Й К И Н А Ужас!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Она ее расшибет!

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Летим, летим поскорей за бедной невестой моей!

К о ф е й к и н а. Придется заведующего обеспокоить. Иначе выйдет катастрофа. Поймаем ее — и к нему в отпуск! (*Свистит.*) Летим!

Взлетают. Бойбабченко держит Дамкина.

К О Ф Е Й К И Н А. Зачем тебе Дамкин?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Как в такую экспедицию без компаса?

Брючкина подпрыгивает, вцепляется в ноги Гогенштауфена.

Г О Г Е Н Ш Т А У Ф Е Н. Пустите, я к ней лечу и разговаривать с вами не хочу!

Б р ю ч к и н а. Ишь ты, какой. Уговаривал, а теперь улетать? Не лягайся, милый, я все равно не отцеплюсь. Какие ножки!

Улегают

Ф а в н. А меня забыли и флейту мне оставили! Хорошо! Пляшите! Пляшите все! В честь победы! В честь виктории! Чтобы волшебница победила! Чтобы Упырева погибла!

Чтобы навеки сгинуть ей нахалке —
Пляшите все, пляшите, елки-палки!

Пляшут.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Крыша. Ночь. На крыше сердитый молодой человек в трусах.

Молодой человек. Вы подумайте, до чего доходит! Им радио тьфу. Им бы только летать бы. На нашу технику им плевать.

Подлетают Кофейкина, Бойбабченко, Дамкин,
Гогенштауфен, Брючкина.

Бойбабченко. Эй, молодой, не пролетали тут две женщины?

Молодой человек. А ну вас к черту!

Бойбабченко. Не пролетали?

Молодой человек. Еще бы нет. Она, дура, такая неуклюжая, мне всю антенну разворотила.

Бойбабченко. Давно?

Молодой человек. Да уже час чиню.

Бойбабченко. Догоним. Куда пролетела?

Молодой человек. А вон туда.

Бойбабченко. Летим!

Летят. Внизу вершины леса. Летят над самыми верхушками.

Брючкина. Ай!

Бойбабченко. Чего еще?

Брючкина. Меня какая-то птица клонула в лодыжку. (Хохочет.) Зачем ей это нужно? Дорогой, а ты заметил, как тот в трусах, на крыше, плялил на меня глаза и весь волновался?

Лес кончается. Город. Каланча.

ПОЖАРНЫЙ. Братцы, нет ли у вас часов?

БОЙБАБЧЕНКО. А что?

ПОЖАРНЫЙ. Да сменяться пора. Хотя дежурство сегодня интересное. Все летают, летают...

КОФЕЙКИНА. Ты видел тут двух женщин? Пролетали?

ПОЖАРНЫЙ. А как же, видел! Только не две их было. Одна.

ГОГЕНШТАУФЕН. Одна?

БРЮЧКИНА. Ничего, милый, я с тобой.

БОЙБАБЧЕНКО. Давно пролетала?

ПОЖАРНЫЙ. Минуть десять. Что это у вас, маневры военные?

БОЙБАБЧЕНКО. Вроде. Летим скорей, мы ее догоним!

Летят. Снизу шум паровоза. Паровозный пар. Дым.
Водонапорная башня.

БРЮЧКИНА. Товарищи, я так вся закопчусь, возьмем в сторону. Милый, ты заметил, как пожарный мне мигал? Я так хохотала! Зачем это ему нужно?

РАБОЧИЙ ИЗ БАШНИ. Товарищи, я уже сказал: возле башни летать нельзя
(Выглядывает.) А, это новые!

БОЙБАБЧЕНКО. А где та?

РАБОЧИЙ. А минут пять назад пролетела... туда к лесу.

БОЙБАБЧЕНКО. Одна?

РАБОЧИЙ. Одна.

КОФЕЙКИНА. Скорей!

Летят. Степь.

БОЙБАБЧЕНКО. Вон она! Вижу ее!

КОФЕЙКИНА. Где?

БОЙБАБЧЕНКО. Сейчас установлю. *(Вертит плечами Дамкина. Голова Дамкина крутится, покачиваясь как компас, но нос неуклонно устремляется на север.)* Так... В направлении по нашему компасу... На нос, нос, левый глаз.

КОФЕЙКИНА. Так держать!

БОЙБАБЧЕНКО. Есть!

Показывается У ПЫРЕВА в широком плаще.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Вон она, хватай ее!

К О Ф Е Й К И Н А. Стой!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Залетай с правого боку! Окружай с тылу!

К О Ф Е Й К И Н А. Стой!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Гогенштауфен, окружай с того боку! Летай веселей!

Поддерживай компас! Ага, окаянная! Ага, грубая!

Окружают Упыреву. Упырева в широком плаще.

К О Ф Е Й К И Н А. Где Маруся?

У П Ы Р Е В А (*распахивает плащ. В руках у нее Маруся.*) Не подходи, чхи!

Сброшу ее вниз, чхи!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Простудилась, мерзкая!

У П Ы Р Е В А. Нет. Противно! Чхи! Молодая она, молоком пахнет. Чхи!

К О Ф Е Й К И Н А. Отдай ее.

У П Ы Р Е В А. Зачем?

К О Ф Е Й К И Н А. Человека жалко.

У П Ы Р Е В А. Не отдам. Уж слишком они друг другу подходящие.

К О Ф Е Й К И Н А. Отдай!

У П Ы Р Е В А. Не отдам! Где это видано, чтобы я уступала? Они еще детей разведут.

К О Ф Е Й К И Н А. Ведь все равно попалась!

У П Ы Р Е В А. Никогда!

К О Ф Е Й К И Н А. Попалась.

У П Ы Р Е В А. Не попалась. Это ты психоложество развела. А другие не разводят. Я по службе неуловима! А по жизни не ловят! Некогда.

К О Ф Е Й К И Н А. Жизнь меняется.

У П Ы Р Е В А. Еще поживу, хотя полчаса.

К О Ф Е Й К И Н А. Ты побеждена!

У П Ы Р Е В А. Нет, брат. Бой еще идет. А Маруся у меня!

К О Ф Е Й К И Н А. Так что?

У П Ы Р Е В А. А в бою без жертв нельзя.

К О Ф Е Й К И Н А. Ну, и что?

У П Ы Р Е В А. Ну и брошу ее вниз! Она мягкая, рассуждающая, а земля внизу твердая, грязная!

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. Что за несознательность, товарищ! Это, выходит, не жертва, а нелепая случайность.

У П Ы Р Е В А. Это больше всего я люблю!

Швыряет Марусю вниз.

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. О, какая ужасная баба! Ее любимый обед — на первое мужчина в соку, а на третье — кровь с молоком.

К О Ф Е Й К И Н А (*свистит*). Приказываю всем благополучно опуститься к заведующему в отпуск!

Дрожи, дрожи, гадюка Упырева —
Сейчас заведующий скажет слово!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дача в горах. Восходит солнце.

На большом балконе дачи — заведующий. Он один.

З а в е д у ю щ и й. Нет, я все-таки сказочно устал. Ужасно. Для меня даже тишины подходящей не найти. Почему? Потому что, когда тихо — у человека в ушах звенит. А как зазвенит в ушах, я сейчас же: алло! Мне кажется, что в левом ухе вертушка звонит, а в правом городской телефон. Вот и болтаю все время, болтаю сам с собою, чтобы звона не слышать. Хотел я записывать впечатления — не мог. Почему? Все время пишу наискось, как резолюции пишутся. И через каждые две строчки подписываюсь. И хочу я, например, написать: прекрасный вид, а пишу: поставить на вид. А еще дела беспокоят. Я на отдыхе — как машина, которую остановили на минутку и мотор не выключили. Только шины отдыхают, а цилиндры вертятся, бензин идет. Я думаю, думаю... Страшное время лето — что там в учреждении? Хорошо, я добился — телефон провели прямой, все-таки в случае чего позвонят. Но не звонят, жалеют, а я думаю о них, думаю. Ну-с, дальше что? А дальше скажу, что все-таки хорошо. Потому что ни заседаний, ни совещаний, воздух легкий, никто не налетает с вопросами...

Сверху опускается М а р у с я.

МАРУСЯ. Товарищ заведующий, позвольте вас спросить, чего они меня мучают?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Мучают?

МАРУСЯ. Да... Вчера мне казалось, что все очень хорошо, чудесно, а сегодня...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Довольно, я понял. Все будет улажено.

Сверху опускается УПЫРЕВА.

УПЫРЕВА. Товарищ заведующий...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Мне уже все рассказали.

Сверху опускаются КОФЕЙКИНА, БОЙБАБЧЕНКО,
ГОГЕНШТАУФЕН, БРЮЧКИНА.

КОФЕЙКИНА. Товарищ заведующий...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Не извиняйтесь... Вопрос серьезный, это неважно, что я в отпуску. Сейчас устроим маленькое совещание, а потом я решу, как хочу. Товарищ Гогенштауфен, поздравляю — ваш проект утвержден... С блеском! Начнем. *(Садится за стол, прикрыв лицо рукой.)*

ГОГЕНШТАУФЕН. Мой проект утвержден? Но ведь он не окончен!

КОФЕЙКИНА. Я кончила!

ГОГЕНШТАУФЕН. Да ведь он не послан.

КОФЕЙКИНА. Я послала. Мелким чудом.

ГОГЕНШТАУФЕН. Когда же его успели рассмотреть?

КОФЕЙКИНА. Я устроила, тем же манером...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Может быть, мы прекратим частные разговоры и начнем? Товарищи, каждому я дам полминуты. Мне все ясно — это склока. Поэтому говорите без подробностей и пояснений. Не старайтесь убеждать меня, я не буду слушать. Склока — такая вещь, где разобраться можно только чутьем. Логикой не разберешься. Слово Упыревой.

УПЫРЕВА. Безо всяких оснований эта девушка *(показывает на Кофейкину)* начала травить меня и лучших наших работников... Вкусовщина, психоложество...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Достаточно. Вы старались поссорить Гогенштауфена с

Марусей Покровской?

У ПЫРЕВА. Нет! А кроме того, какое это имеет отношение?..

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Большое... Зачем вы грызете карандаш?

У ПЫРЕВА. Я злось, как зарезанная!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот это совершенно правильно. Как зарезанная. Пройдите в ту дверь — там мой кабинет. Сядьте за стол. Дайте письменное объяснение своим поступкам. Я им не поверю — пишите короче. Вот эта дверь. Ступайте.

Упырева уходит, стукнув дверью.

Бойбаченко. Она сбежит!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Нет! Дверь одна. Окно — над пропастью. Товарищ Кофейкина, ваше слово!

КОФЕЙКИНА. Сотрудники, товарищ заведующий, бывают двух родов — одни работают со страстью, другие с отвращением...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Совершенно правильно! Вокруг нее сгруппировались люди, работающие с отвращением. Мертвый класс, пленный класс, класс на цепи, злобный, как цепная собака. Они работают против воли, работают не всегда плохо, боятся, но кусаются всегда и всегда отравляют все вокруг. При мне штрафовали управделами, который из ненависти собирал всюду паутину, пыль, пауков, блох, мух, моль, мокриц и распределял собранное по всем комнатам своего учреждения. Он же добыл где-то старую ванну, положил ее в коридоре и написал на ней мелом нехорошее слово. Ванна наводила на посетителей сильное уныние. Он же забил все двери и пускал посетителей через подвал. Но он тих и скромен рядом с нашей Упыревой. Она совершенно мертва, она обеими ногами стоит в гробу, и через нее из гроба, как по проводу, идет смерть. Я, отдыхая, наводил справки и все выяснил. Год назад она работала в центральном узле. Там застрелился из-за девочки прекрасный человек, талантливый работник товарищ Лысенский. Это она подстроила. Там сошло с ума пять рабочих-изобретателей: Иванов, Мамочко, Пежиков, Суриков и Эдиссон Томас Альва. Это все она. Там заведующий побил бухгалтера из ревности, и на две недели остановилась работа — шел показательный суд. Она даже в свидетельницы не попала, а все это было делом ее рук. Она умеет вовремя сказать злобное слово, поспорить, пустить сплетню, обидеть, сбить с толку, оскорбить тех, кто потише, и скрыться за личиной усерднейшего, даже

самоотверженного, непреклонного работника. Она портит жизнь. Здесь трудней всего поймать. Как вам удалось?..

К О Ф Е Й К И Н А. Я боюсь объяснить, товарищ заведующий... Она, видите ли, упырь!

З А В Е Д У Ю Щ И Й. Как вам не стыдно так упрощать этот сложный вопрос! Упырь — исключительное явление, а исключительное явление каждому бросается в глаза. Она гораздо незаметней, мельче...

К О Ф Е Й К И Н А. Это другие незаметней, мельче, а она — упырь!

З А В Е Д У Ю Щ И Й. Это что же, аллегория?

К О Ф Е Й К И Н А. Нет, в данном случае — факт.

З А В Е Д У Ю Щ И Й. Не хочу разбираться, чтобы не запутаться в подробностях, но чувствую что вы все в чем-то правы. Она из тех, кто притворяется живой, передразнивает живых и ест живых. А вы? В таком случае вы — волшебница?

К О Ф Е Й К И Н А. Да.

З А В Е Д У Ю Щ И Й. Не хочу слишком уточнять, чтобы не сбиться с толку. Но чутьем понимаю, что в данном частном случае вы правы. Вы победили. Вы полны величайшей творческой энергии, которая иной раз производит впечатление чуда. В данном частном случае я не возражаю. Вы действовали с пользой в интересах дела, но это не метод! Есть другие способы проявлять творческую энергию. Путь индивидуальных чудес должен быть изжит. Волшебных чудес. Понимаете?

К О Ф Е Й К И Н А. Я больше не буду.

З А В Е Д У Ю Щ И Й. Да, довольно. Это тем более легко, что волшебниц вообще не бывает. Ну, у нас в учреждении один раз случилось — и довольно. (*Брючкиной.*) Что у вас за прическа?

Б р ю ч к и н а. Ах, товарищ заведующий, это — любовь! Гогенштауфен...

З А В Е Д У Ю Щ И Й. Он не для вас... Прекратите это безобразие с прической, товарищ Кофейкина.

Кофейкина свистит. Брючкина принимает свой первоначальный вид.

З А В Е Д У Ю Щ И Й. Спасибо. А вам, товарищ Брючкина, я предлагаю оставить Гогенштауфена в покое...

Б р ю ч к и н а. Товарищ заведующий, вы сами знаете — мужчины лезут ко мне как звери. Я даже не понимаю, зачем это им нужно. Гогенштауфен писал

мне такие письма, жадно на меня глядел...

Заведующий. Это ошибка. *(Дамкину.)* Почему вы держите все время нос к северу? Товарищ Дамкин, чего вы молчите?

Бойбабченко. А он в компас превратился. Мы ему зубы намагнитили.
Заведующий. Понимаю... Зубы прилипли к зубам... Прекратите это!

Кофейкина свистит. Дамкин хохочет.

Дамкин. Спасибо, товарищ. Вот разыграли, прямо на большой палец. Очень потешно. Знаете потрясающую новость, товарищи? Мне ужасно есть хочется. Со вчерашнего дня не жрал. У меня есть такое свойство: если я с вечера не поужинаю — ужасно утром есть хочу. Товарищ заведующий, вам огромное спасибо. У меня есть такое свойство: если мне объяснят — я сразу осознаю свои ошибки. Эта Упырева — просто вредительница. Простите, я по-прямому. У меня есть такое свойство. Я не хитрый.

Заведующий. Ну, довольно! Я дал вам поговорить, потому что вы несколько часов молчали. Товарищ Дамкин, предлагаю вам оставить Марусю в покое.

Дамкин. Но, товарищ заведующий. Маруся сама в меня влюбилась. Вечером вчера так она раскокетничалась — бегала, плакала, молоденькая, страстная такая...

Заведующий. Это ошибка.

Дамкин. Ну, какая там ошибка. Что вы! Все женщины — дон-жуаны и циники! *(Показывает на Бойбабченко.)* Вот она. Старушка. Сухарик. А тоже... Вчера из ревности намагнитила меня, обиделась, что я бегаю за Марусей.

Заведующий. Довольно! Все кончается хорошо, поэтому я вместо выговора в приказе сделаю вот что, — смотрите... *(Показывает на Брючкину)*

Дамкин. Что?

Заведующий. Смотрите...

Дамкин. А ведь действительно...

Заведующий. Смотрите...

Дамкин. Ах ты, черт... Фигура, руки, ноги... Товарищи, потрясающая новость! Я влюбился! Честное слово! В Брючкину. Надо брать от жизни все, что она дает.

Брючкина. Ха-ха-ха! Зачем вам это надо?

Заведующий. Ладно. Договорились. *(Топает ногой.)* Но смотрите!

Д а м к и н. Осознал, осознал.

Б р ю ч к и н а. Понимаем, понимаем.

З а в е д у ю щ и й. Так. С ними покончено. Они виноваты и награждены.

Будут работать на совесть.

Б р ю ч к и н а. Для меня работа прежде всего.

З а в е д у ю щ и й. Но смотрите! Если будут рецидивы и вспышки (*к Брючкиной.*) — к вам вернется ваша прежняя прическа. (*Дамкину.*) А вас превратят навеки в компас, и я сдам вас в географический институт.

Д а м к и н. Товарищ заведующий, у меня есть такое свойство: я работаю как бешеный!

З а в е д у ю щ и й. Договорились. Теперь отдохнем на хороших людях.

Маруся Покровская!

М а р у с я. Что?

З а в е д у ю щ и й. Успокойтесь. Жизнь такова, какой она вам казалась до склоки. Больше вас никто не будет мучить. Все прекрасно. Товарищ Гогенштауфен, вас премировали квартирой, отпуском и трехмесячным окладом. Марусю я тоже отпускаю на месяц. Вы поселитесь вместе. Кричите ура! Вот... (*Кофейкиной.*) Вас я назначил бы управделами, но ваша склонность творить чудеса...

К о ф е й к и н а. Я по плану...

З а в е д у ю щ и й. Посмотрим. Боюсь, что вы нужнее на периферии. Товарищ Бойбабченко, у вас в квартире окна чистые, у меня окна чистые. Я работаю и вижу — вы очень любите наше учреждение.

Б о й б а б ч е н к о. Как бабушка!

З а в е д у ю щ и й. Можете приходите ко мне на все совещания, сидеть и слушать.

Б о й б а б ч е н к о. Ах, это форменная мечта! Вот сподобилась... (*Вытирает слезы.*) Выдвинулась!

З а в е д у ю щ и й. Все? Объявляю совещание закрытым. Упыревой я займусь самостоятельно. (*Дергает дверь, дверь заперта.*)

Б о й б а б ч е н к о. Заперлась окаянная. Зачем?

З а в е д у ю щ и й. Не смешите меня. Откройте. Что за нелепость! (*Дамкину.*) Взломайте. Чего она этим добьется?

Дамкин взламывает дверь. Комната пуста.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Никого. Куда она девалась? Окно над пропастью.

БОЙБАБЧЕНКО. А мебель? Мебель она всю уничтожила.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Как неудобно. Мебель принадлежит санатории. Где стол, где кресла? Труха какая-то на полу. Один телефон уцелел.

МАРУСЯ. Я боюсь, товарищи, я боюсь...

КОФЕЙКИНА. Да что вы, братцы! Чего вы призадумались! Это знаете что?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

КОФЕЙКИНА. Победа. У меня даже слабость от радости в руках, в ногах. Ура! Вот что я вам скажу. Ура, ура! И больше ничего. Ее нету больше, Упыревой. Она от злости и от страха источила, как жучок-вредитель, всю мебель и сошла на нет — нету ее больше, нету! Ура! Спасибо тебе, товарищ заведующий! В лоб ударил ее, в лоб! Она этого больше всего боится. Победа! Праздник! Бейте в барабаны! Трубите в трубы!

Трубы, барабаны, струнные восточные инструменты.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Это что такое? Опять индивидуальные чудеса? Кто это?

ГОЛОСИЗ-ЗАКУЛИС. Горцы, осовавиахимовцы! Позволь, пожалуйста, почествовать!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Кого?

ГОЛОС. Летчиков безмоторных, к тебе снизились. Мы сами видели, интересно нам. Речей не будем говорить. Не бойтесь. Поиграем, потанцуем, почествуем!

КОФЕЙКИНА. Идите, все сюда идите! Чествуйте! Радуйтесь! Нету ее!

Галопом влетают горцы на конях. Спешиваются.

Полукругом усаживается оркестр, в центре начинаются танцы.

В самый разгар танцев в воздухе появляется пакет.

Он, кувыркаясь, как бы дразня, носится над всеми.

Наконец, падает в руки Кофейкиной.

Кофейкина распечатывает пакет и в ужасе вскрикивает.

КОФЕЙКИНА. Стойте! Прекратите! Не радуйтесь! Жива она!

Музыка обрывается.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Кто жив?

КОФЕЙКИНА. Несчастье! Она жива, жива! Упырева!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Каким образом?

КОФЕЙКИНА. Улетела в окно, конечно. Раз в сто лет она может творить чудеса.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Что она пишет?

КОФЕЙКИНА. Слушайте: "Всем товарищам по работе заявление. Из дому выйдешь, злое слово скажу — тебе день погублю. В трамвай войдешь, слово скажу — тебе день погублю. На работу придешь, слово скажу — и день погублю. Домой придешь, слово скажу — и ночь погублю. Что за радость в новом доме жить? Дом-то нов, да я-то стара! Что за радость новое дело делать? Дело-то новое, да я-то стара! Что за радость с молодой женой жить? Жена-то молода, да я-то стара! Мой день придет, злое слово скажу — и всю жизнь погублю! Вот вам. Я еще свое высосу. С товарищеской ненавистью Упырева".

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Интересный документ.

КОФЕЙКИНА. Это я, я виновата! Как я не заметила, как забыла что она в полной злобе! Надо было ее за ноги держать. Насыпать на хвост соли.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Словом, прошляпили. Что делать теперь? Где ее искать? Давайте совещаться.

Телефон.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Сейчас я... *(Подходит к телефону.)* А?.. Да?.. Райотдел?.. Какие сведения?.. А вы знаете, что я в отпуску и что звонить ко мне можно только по самым срочным делам? Чего вы смеетесь? Как ваша фамилия? Упыренко? *(Бросает трубку.)* Черт знает что!

БОЙБАБЧЕНКО. Вот она где устроилась!

Телефон.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Что?.. Облотдел?.. Кто передает? Упыревич? *(Бросает трубку.)* Вы слышали?

БОЙБАБЧЕНКО. Совмещает.

Телефон.

Приключения Гогенштауфена

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Что?.. Кто?.. Вурдалак? Убирайтесь к черту! (*Бросает трубку.*)

БОЙБАБЧЕНКО. Это она от злости размножилась.

Телефон.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Кто говорит? Назовите сначала фамилию... Вампир? Не буду говорить! Вампир? Все равно, не буду.

Телефон.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Кто?.. Кровососова? (*Швыряет трубку на пол.*) Тройку мне! Тройку! Тройку создам! Объявляю мобилизацию! Месячник по борьбе с проклятой злобой! Штаб! Институт!

КОФЕЙКИНА. Убьем! Убьем! Постепенно убьем! Не бойся!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Нельзя постепенно.

КОФЕЙКИНА. Отчего нельзя? Где уговором, где страхом, где чудом.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Я приказал вам изжить ваши индивидуальные чудеса.

КОФЕЙКИНА. Зачем индивидуальные? Я того мнения, что все время чудесное. Вот летели мы — и хоть бы кто удивился. Смерть и злоба чуда боятся, а живые чуду радуются. Да здравствует чудо!

Чудо в смысле музыка,

Чудо в смысле смех,

Чудо в смысле радость,

Доступная для всех!

До свидания, товарищ заведующий!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Куда вы?

КОФЕЙКИНА. Воевать! Не жалея нас. Это будет веселый бой. Она злое слово скажет — а мы десять веселых. Она человека расстроит — а мы настроим. Она пыль, паутину, грязь — а мы чистоту, красоту, блеск. Она ржавчину на трубы, замкч на двери — мы зелень в цеха, мы цветы на столы, на улицы, на площади, на стены. Мы книги, театр, науку, музыку. Она соберет своих, а мы уже собраны. Она план снизу уродует, а мы украшаем! Да здравствует музыка, радость, чудо!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну, если вы в этом смысле, тогда мы встретимся. Езжайте!

Евгений Шварц

К О Ф Е Й К И Н А. Бойбабченко, ты со мной?

Б О Й Б А Б Ч Е Н К О. А то с кем же?

К О Ф Е Й К И Н А. Коня!

Горцы подводят под уздцы двух коней.

Бойбабченко и Кофейкина едут, поют. К ним присоединяются трубачи, горцы, образуется целый хор. Заведующий и все остальные машут отъезжающим платком в такт песни.

П е с н я

Уходим сражаться,
Прощайте, друзья!
Врагу удержаться
Против нас нельзя!

Нас жалеть не стоит,
Весел будет бой!
Оружие простое
Берем мы с собой!

Несколько метелок.
Совок и песок,
Кислоту и щелок
И мыла кусок.

А еще нам восемь
Дайте трубачей,
А мы их попросим
Трубить погорячей!

Музыка грянет,
Метелки загудят.
Никто не устанет,
Но все победят!

Музыки и пляски
Не выдержит мертвец,
И тут нашей сказке —
Конец наконец!

ЗАНАВЕС

1934 год